

Моя нечаянная радость

Автор:

Татьяна Алюшина

Моя нечаянная радость

Татьяна Александровна Алюшина

Еще раз про любовь

В двадцать лет Майя влюбилась. Все шло своим чередом – свидания, предложение руки и сердца, предсвадебные хлопоты... Было заказано чудесное платье, но чем ближе к свадьбе, тем больше нервничала девушка, уже переставшая понимать, что, собственно, она нашла в женихе. Майя сбежала буквально изпод венца. А через пять лет история повторилась, и еще через несколько лет – снова то же. Пытаясь разобраться, что же с ней не так и откуда взялся синдром сбежавшей невесты, девушка отправилась в паломничество в Пустонь. Там и ждала ее нечаянная радость...

Алюшина, Татьяна Александровна

Моя нечаянная радость

– ...Родные все говорили, настаивали: сходи к врачу да сходи к врачу, – вздохнула женщина с глубоким, застарелым смирением перед выпавшими страданиями. – А когда ходить-то? Работы много, дел по хозяйству невпроворот, крутишься с утра до ночи. Вот все и откладывала. А как припекло совсем, что и встать с кровати не смогла поутру, тогда уж муж отвез в район на обследование, а там посмотрели и рак поставили...

Майя давно уже перестала вслушиваться в слова и усваивать смысл того, о чем говорила соседка, – смотрела куда-то на берег реки, мимо которого они

проплывали, и все кивала, что, мол, слушаю-слушаю и сочувствую, в такт ее речи, прерываемой тяжкими горестными, наполненными безысходностью, вздохами.

Она сочувствовала! Да так, что перехватывало дыхание и щемило сердце.

Всем, с кем свела ее эта непростая дорога. И этой уставшей, замученной колхозной тетке с печальной улыбкой уже принявшего свою страшную участь человека; и той женщине из поезда, что рассказывала про несчастье с сыном, приковавшее его к инвалидной койке, и другой попутчице с тяжелой болезнью, и той нервной, дерганой интеллигентной даме, которая все выпрашивала ее через каждое предложение своего повествования:

– Как вы думаете, он поможет? – И заглядывала Майе в глаза с такой отчаянной надеждой, что-то высматривая в них и, видимо, не находя, отводила взгляд, вздыхала расстроено и качала головой: – Вот и я не знаю. Сомневаюсь, – и снова поворачивалась, смотрела на нее, словно себя убеждая в первую очередь. – А говорят, к нему с сомнением и без веры нельзя. Как думаете, правду говорят?

Майя пожимала плечами, прятала глаза от этой отчаянной надежды незнакомого человека и отходила, чтобы тут же столкнуться с кем-то другим, кто принимался рассказывать о своем горе. Почему-то многим хотелось поговорить о своих страданиях, несчастьях и горестях, доверить совершенно постороннему, незнакомому человеку, в силу каких-то своих непростых обстоятельств оказавшемуся среди них, сплоченных единой идеей, целью и надеждой.

Далеко не все кидались с рассказами, конечно, но многие... Люди словно старались высказаться и ждали от нее не только сочувствия, но и хоть какой-то обнадеживающей реплики, оптимистичного заверения или хоть намека на уверенность, что им обязательно помогут и все непременно наладится и станет хорошо, как и прежде.

А она не могла! Не могла ничего им сказать и ободрить никого не могла! Она невероятно мучилась от их откровений, чувствовала себя распоследней самозванкой среди всех этих действительно страждущих людей и даже немного побаивалась, что ее разоблачат и прямо вот сейчас скажут, какая она

обманщица.

Море, целое море человеческих страданий и горя!

Она сочувствовала им всем! Так горячо и искренне сочувствовала всем собравшимся на этом стареньком катерочке, чапающем вверх по реке через ключья низко стелющегося у воды тумана, что задышалась не пролитыми слезами этого сочувствия и все пыталась вдохнуть поглубже.

И переживала ужасно свое полное несоответствие этому морю отчаянья и самой последней человеческой надежды!

Она чужая среди этих страждущих исцеления и помощи людей. У Майи все больше и больше крепло такое странное ощущение, словно она по великому благу заняла чье-то дефицитное койкоместо в клинике, в которой спасают пациентов от смерти и страшных болезней, чтобы сделать... ну, не знаю что... подтяжку рожи, что ли, увеличение груди какое-нибудь или накачку задницы жиром для пущей сексуальности. Или встала в одну очередь с малоимущими и больными за продуктами первой необходимости, выдаваемыми по карточкам, имея дома холодильник, под завязку забитый дорогушими дефицитными деликатесами и давно ни в чем не нуждаясь по жизни.

И Майка мучилась этим своим несоответствием, слушая этих женщин, и ругала себя распоследними словами за то, что вообще ввязалась в эту авантюру! И какого черта она послушала тетю Вику! Ну зачем, зачем?!

Да и с какой такой она-то проблемой?! Смешно! «Проблема»! Здоровая девка, руки-ноги на месте, голова варит, родные-близкие в порядке, занимается любимым делом! И куда она поперлась?! Когда тут у людей такое!! Такое!!

– ...сказали третья стадия, опухоль сложная, и никто не берется оперировать, и вряд ли что поможет... – снова вздохнула женщина и улыбнулась своей удивительной улыбкой мадонны, принимающей любую Божью волю, даже такую страшную —...А Шура, муж мой, говорит: будем бороться. Вот прознал про Старца святого...

Майя вздохнула, кивнула в очередной раз и сбежала взглядом от этих глаз смиренной праведницы, посмотрев вперед – туда, где на самом носу катера

замерла мужская фигура.

Когда они отошли от причала, мужчина неспешно прошел по палубе, осторожно переступая через рюкзаки и сумки, мимо рассеявшихся прямо на палубе людей, которым не хватило места на лавках, и встал на носу, метрах в трех от Майи и ее невольной болезненной спутницы. Да так и стоял, засунув руки в карманы джинсов, и смотрел куда-то вперед.

Майя место на лавке занять не успела, да и не спешила особо, если честно, словно хоть таким образом наказывала себя за несоответствие этим людям, собравшимся здесь. Вот и пришлось устраиваться на небольшом пяточке палубы на носу катера, усевшись на дорожную сумку, рядом с женщиной, которая тут же принялась рассказывать о своей болезни.

«Господи! – подумала с тоской, наверное, тысячный раз Майка. – И как я умудрилась во все это ввязаться? Как в другой мир попала, – и далеко не в первый раз за сегодняшний день подумала, глядя в спину мужчины: – Интересно, что же у него-то случилось? Тоже болезнь тяжелая? Не похоже, наверное, беда какая-то».

Мужчину этого она заметила сразу, как только вышла из вагона поезда. Майка помогала вынести вещи какой-то старушке с палочкой, которая не мешала даме тащить необъятный баул на колесиках, а рядом из соседнего вагона в то же время мужик помогал выйти другой пожилой женщине и перетаскивал на перрон ее вещи.

Прямо два пионера-тимуровца, ей-богу!

И тут обе эти тетки, еще минуту назад бывшие чуть ли не немощными инвалидками, как сговорившись, подхватив свои драгоценные клунки, тюки и сумищи, шустро засеменяли вперед по перрону, и старушкина палка замелькала быстро-быстро, чуть ли не как орудие боя, а не клюка для поддержки. И Майя с мужчиной понимающе переглянулись и даже заговорщицки усмехнулись столь комичной ситуации, как два тех самых простодушных тимуровца, обжуленные ушлыми мошенницами.

И отчего-то вдруг задержались на пару секунд взглядом друг на друге.

Он был высокий, поджарый, по-спортивному подтянутый, темноволосый, но с седыми висками, добавлявшими его облику некую изысканность, одет в туристические дорогие ботинки, джинсы, белую майку, в спортивную, явно известной фирмы ветровку. И этот загородный стиль одежды «отдых – туризм» очень шел к его облику, к довольно суровому и закрытому выражению лица.

«Какой интересный! Вот с таким, наверное, ничего не страшно! Вообще ничего!» – прострелила неожиданная мысль в голове Майи, поразив ее необычайно.

Но тут выходящий из ее вагона пассажир отодвинул девушку в сторону, задев плечом, и Майя аж вздохнула, прерывая этот взгляд и как бы прогоняя свою шалопутную, странную мысль, успевшую обдать теплом где-то у сердца.

Задевший ее дядька извинился, она ему улыбнулась отстраненно, кивнула, поправила дамскую сумочку, перекинутую через плечо наискось, повесила на согнутую руку дорожную сумку и, стараясь не смотреть больше в сторону мужчины, вызвавшего такие неожиданные эмоции, поспешила вслед за всеми к зданию вокзала.

На вокзале она немного замешкалась: то туалет посетить после долгой дороги; то выспрашивала, где останавливается нужный автобус. А когда доехала до Речного вокзала, если можно так громко назвать маленький домик с кассой и диспетчерской, рядом белую кирпичную коробку туалета, пару больших пирсов на реке и ряды лавок под навесом для ожидающих пассажиров, то подивилась количеству собравшегося народа.

Как выяснилось, здесь ходили не только каботажные катера, но паром и иногда большие экскурсионные суда. Но эти редко – раз в неделю, иногда два – глубинка России, Сибирь, что вы хотели, хоть край величиной с небольшое европейское государство и со своей интересной историей, чудесными городками, памятниками и уникальными природными ландшафтами красоты сказочной, но все же глубинка.

И вот там-то, на берегу, Майя снова увидела того мужчину из поезда, который ее так заинтриговал, вызвав странные мысли, волнение и теплоту в груди. Он стоял особняком от всех на высоком берегу у начала ступенек, ведущих вниз к кассе и пристаням, и смотрел через реку на дальний берег, погружившись в свои мысли.

Майя встала в очередь в кассу и, пока ждала, все поворачивала невольно голову и посматривала наверх на стоявшего как изваяние мужчину; вот не могла не смотреть, словно ее неодолимо притягивала эта загадочная в своем подчеркнутом одиночестве и отстраненности от мира фигура. Возле него на земле стоял здоровенный рюкзак, явно набитый какими-то вещами под завязку. Ей и эта деталь оказалась страшно любопытной, и Майя все гадала, зачем ему столько вещей и, усмехнувшись невольно, даже двинула теорию, что незнакомец в монастыре поселиться собрался или вообще в монахи определиться насовсем.

Взяв билет, она неспешно прогулялась по берегу туда-обратно, размяться после длинного и уже сильно измотавшего пути. Постояла, обозревая пейзаж, и вздохнула глубоко, с удовольствием втягивая в себя вкусный чистый воздух.

Было совсем раннее утро, солнце уже почти поднялось из-за горизонта, все еще окрашивая мир розово-алыми сполохами нового дня. На противоположном высоком берегу просматривались величавые сосны, верхушки которых еще плескались в этих рассветных, казавшихся на их зеленой хвое алыми переливах, река плескала о берег, стрекотала какая-то звонкая птица, мир просыпался и казался прекрасным. Если бы не людской гомон на берегу, можно было бы подумать о его первозданности и чистоте. Майя почувствовала умиротворенность в душе от этой красоты, с удовольствием постояла еще, вдыхая полной грудью пахнувший рекой воздух, и побрела назад.

Когда она проходила мимо ряда лавок, заполненных людьми, вдруг какая-то женщина окликнула ее:

– Девушка, идите сюда! – и призывно махнула рукой. – Я подвинусь, присаживайтесь.

– Спасибо, я лучше прогуляюсь еще, – поблагодарила Майя.

Садиться она не хотела, отчетливо представляя, что последует за этим радушным предложением. Но женщина настаивала и уже подвинулась, освобождая место рядом.

– Садитесь-садитесь, – похлопала она рукой по лавке рядом с собой. – В ногах правды нет. А если вы в Пустонь едете, то там еще настояться придется эхе-хе,

несколько часов подряд.

- В Пустонь, - сдалась Майя и вздохнула безысходно, усаживаясь рядом.

- Я тоже туда, - покивала понимающе женщина. - Уже второй раз.

И за этим замечанием неизбежно, как лавина, перезревшая на склоне горы, последовало повествование о ее беде и болезнях. Это был уже пятый рассказ о горестях, выслушанный девушкой. Три женщины в поезде, по очереди, а иногда и перебивая друг друга, одна попутчица в автобусе, и вот еще и сейчас...

Майя слушала вполуха, не от холодной бесчувственности, а скорее от некой защитной реакции сознания, уже уставшего себя укорять, ругать и мучиться чувством вины.

Но Майка слушала, как наказание принимала.

Шестой рассказчицей о своем горе-беде стала женщина на катере, рядом с которой Майя устроилась на палубе, усевшись на свою стильную дорожную сумку, не монтирующуюся, как и сама девушка, с этими суровыми местами, стареньким катерочком с облупленной краской в десятки слоев и с этими простыми, истинно страждущими людьми.

Хотя нет, не совсем. Народ как раз здесь собрался разный и из разных краев страны - в основном женщины, мужчин было гораздо меньше. Социальное расслоение имело место и было довольно заметно. Много простых людей невеликого или среднего достатка, есть и позажиточней, Майя заметила несколько женщин, явно дорого упакованных: салон, маникюр, прически, одежда из бутиков. Да и некоторые мужчины точно тянули на бизнесменов средней и повыше руки, по крайней мере, на людей из народа они точно не походили.

Она снова бросила взгляд на мужчину, стоявшего недалеко от нее на носу катера, прикрыла глаза и откинула голову на бортик.

- Ох, я вас заговорила, - спохватилась соседка. - Все про себя тут жалуясь и жалуясь, а у вас наверняка своя беда непростая, коль вы в Пустонь

добираетесь. И то правда, отдохните.

Майя не ответила. А что ответишь? Признаться, что по глупости в Пустонь собралась, по непониманию того, с какими тяжелейшими проблемами люди сюда едут за самой последней надеждой на помощь. И не развернулась, не уехала обратно только потому, что привыкла доводить дело, за которое бралась, до конца! А сбегать сейчас, когда с такими трудностями преодолела весь путь и уже практически добралась до места, стало невозможно. Что ответить?

Нет у нее никакой беды!! И горя тоже нет!! Нет! Дурость есть, как выяснилось, а горя вот нету!

И постаравшись отгородиться от всего – от шума громко урчащего мотора катера, от гомона людских разговоров, от плеска воды за кормой, от голоса соседки и даже от мужчины, стоявшего на носу корабля, – она вдруг четко и ясно вспомнила, как и по какой причине оказалась здесь, в Сибири, на задрипанном катерочке, в глухомани Российской державы.

Две недели назад Майя Львовна Веснина, разумная взрослая и даже успешная и деловая девица тридцати трех лет, рыдая на большой стильной кухне в московской квартире своих родителей, была абсолютно, стопроцентно уверена, что у нее ужасная, непреодолимая проблема!

Просто беда всей жизни!

И вообще все и навсегда теперь с ней плохо!

Еще тринадцать лет назад она заподозрила, что с ней что-то не так, не совсем в порядке, но тогда все посчитали случившееся с Майечкой расшалившимися нервами и стечением неблагоприятных обстоятельств. Но теперь-то она точно убедилась, что никакие это не нервы, а рок. Напасть непонятная! Как там говорят? Проклятие? Или порча? Да боже мой, хоть что!

Может, вот все это самое и проклятие с порчей на пару!

В двадцать лет Майя влюбилась первый раз в своей жизни.

Его звали Игорь Антонов, он был старше ее на пять лет и казался абсолютно прекрасным, самым лучшим мужчиной. По крайней мере, в том, что он лучший и прекрасен, Майя была уверена стопудово первые три месяца.

Они познакомились на Поклонной горе, где катались на роликах – он со своей компанией, она со своей. Стояли рядом в очереди в ларек за шашлыком, и Майя чуть не упала, когда ее неудачно толкнул человек, отходивший от прилавка со своим заказом в руках; она автоматически схватилась за парня, стоявшего рядом, и они чуть не свалились оба. Но устояли, выделявая невозможные кренделя ногами-телами, пытаясь поймать равновесие и держась друг за друга. Посмеялись, пошутили, познакомились на фоне такого прикольного инцидента обе их компании, прокатались вместе до вечера и обменялись телефонами.

На следующий день Игорь позвонил и пригласил в кино. Фильм им обоим не понравился. Они сбежали с половины сеанса и гуляли по Москве, а вечером, когда Игорь проводил ее до дома, целовались на площадке между этажами.

И все-все-все стало прекрасно!

Он звал ее Маёк, имя это ей не нравилось, но она смеялась и летала как на крыльях от восторженной влюбленности. Через три месяца знакомства и одной совместной ночи в загородном пансионате Игорь пригласил ее в гости знакомить с родителями, объявил, что хочет на ней жениться, и сделал предложение, ошарашив и своих родителей, и Майю.

И она неожиданно как-то даже растерялась от такого радикального заявления, что, собственно, не помешало ей ответить согласием. Ну, что? Пришлось вести Игоря к своим родителям и уведомлять теперь уже их о намерении молодых пожениться.

Родня жениха и невесты познакомилась и, вынужденно сплотившись, принялась за подготовку мероприятия, стремительно разраставшегося масштабами по мере составления списков приглашенных гостей с обеих сторон.

А с Майей начало твориться нечто непонятное!

Чем активнее разворачивалась подготовка к свадьбе и чем меньше времени до нее оставалось, тем сильнее в ней нарастало странное беспокойство – непонятно

почему она начала как-то непроизвольно, будто и не по своей воле, отгораживаться, отодвигалась от Игоря и смотреть на него совсем иными глазами.

Вдруг наша невестушка ни с того, ни с сего стала замечать, что ее избранник не такой уж безупречный и великолепный мужчина, каким ей казался до предложения. То нежданно как-то выяснялось, что ей совершенно не нравится его манера рассуждать с умным видом обо всем на свете и поучать ее жизни, то вдруг она сделала удивительное открытие, что ест он некрасиво, чего раньше в упор не замечала, а присмотревшись, так и вообще поняла, что не так уж он и неотразим на самом деле, а скорее и совсем даже обычный парень, ничего особенного.

И в какой-то момент Майя вдруг отчетливо поняла, что совершенно не хочет замуж за этого человека!! То есть абсолютно!!

До свадьбы оставалось две недели, когда она четко осознала, что замуж за Игоря не пойдет ни за что, категорически! И проводить с ним первую брачную ночь не будет еще более категорически и однозначно!! И вообще спать с ним больше никогда и ни за что не будет!!

Но страшнее всего оказалось понимание того, что остановить подготовку к свадьбе и отказаться от самого мероприятия Майя была не в силах! Это уже находилось не в ее власти и не зависело от ее желания! Родственнички обоих молодых так расстарались и вложились такими деньжищами, пытаются перещеголять друг друга, что даже представить, что произойдет, если она вдруг вот так просто заявит, что передумала, было невозможно. Да вы что?! Армагеддон!! Гибель «Титаника»!! На всем ходу в айсберг к чертовой матери!

Несколько дней Майя бегала ото всех, уверяя, что ей срочно надо сдать все «хвосты» по занятиям в институте, пряталась от Игоря, практически перестав с ним разговаривать, что-то бурчала в ответ на недоуменные расспросы родителей и переживала, мучилась ужасно и страшно себя винила и понятия не имела, что делать. И жила с этим нарастающим внутри ужасом, никому ничего не рассказывая о своих переживаниях.

А самое страшное, знаете, что? Она казалась великолепной невестой!!

Ее свадебное платье было такой невероятной красоты!! Потрясающее, волшебное платье, и оно так ей шло!! В нем Майя выглядела настоящей принцессой, изумительной красоты и очарования невестой! Ах, какое же это было платье!

Да ради одного этого платья и того, какая она в нем сказочная, стоило провести всю эту чертову свадьбу! Вот только ради одного этого платья!!

Но она не могла!

Как-то вечером за ужином, за десять дней до свадьбы, мама, сверяясь со своими списками дел и заданий по проведению торжества, с которыми теперь не расставалась и даже на ночь клала на тумбочку рядом с кроватью, напомнила дочери голосом строгой распорядительницы:

– Майя, у тебя завтра последняя примерка платья в три часа. Не забудь и никаких отговорок про учебу!

И эти мамины слова оказались той самой последней каплей яда, вдруг вызвав у Майи ужасный, неконтролируемый приступ паники! Такой страшной паники, что она вдруг начала физически задыхаться, перепугавшись до чертиков!! Она сипела, хрипела, хваталась за горло и никак не могла вздохнуть!

– Майя!! Майечка!! – услышала она как бы издалека перепуганный голос мамы.

Перед глазами все поплыло-поплыло, и девушка провалилась в темноту.

Она попала в больницу, и ей поставили странный диагноз – двустороннее воспаление легких, что-то там про спонтанное и стремительное заболевание и нервное истощение. Болезнь Майю сильно не испугала, пугались и переживали за нее родители, а вот то, что таким образом она избежала свадьбы, глупую девочку Майю тогда сильно порадовало.

В больнице она провалялась больше месяца. Свадьбу, разумеется, отменили, но не до конца – заказанный и оплаченный ресторан гости посетили под девизом: «за выздоровление невесты». Как и запланированное на следующий день загородное гуляние с катанием на лодках и оплаченный пикник с шашлыком и

спиртным продолжением.

Игорь приходил в больницу каждый день первые две недели, потом раз в неделю, а когда Майю выписали, встретил с цветами и промямлил что-то про «не судьбу» и «наверное, это знак такой, что они поспешили». Майя, с трудом скрывая радость от чувства полного освобождения, поцеловала бывшего жениха в щеку и отпустила на все четыре стороны. И первый раз за два месяца вздохнула полной грудью.

А вот родители ее искренне расстраивались и считали Игоря предателем, недоумевая: как же так? Ведь в любви клялся и уверял, а стоило девочке заболеть, и куда вся любовь девалась! А они ему поверили и такую свадьбу закатили.

Майя пыталась успокоить родных, уверяла, что не обижается на бывшего возлюбленного, и хорошо, что расстались сейчас, а не после свадьбы. Но они, по извечному родительскому обыкновению, поняли все по-своему и все старались быть с ней внимательными и чуткими, уверенные, что доченька страшно переживает, а их просто старается не расстраивать. А Майка так и не решилась признаться в своих настоящих чувствах и страхах, доведших ее до больницы.

Со временем родители успокоились, и все вернулось на круги своя.

А сказочное великолепное свадебное платье Майя продала в салон для новобрачных одной своей знакомой за о-о-очень хорошие деньги. И плакала полночи по себе такой красивой в том платье, несостоявшейся принцессе-невесте.

В двадцать пять лет Майя встретила Олега Иванцова.

Красавец, спортсмен, вполне успешный и неплохо обеспеченный тридцатилетний менеджер среднего звена по продажам ресторанного оборудования. Большой одуряющей любви с ними не приключилось, но вполне сильную влюбленность переживали оба.

И отчего-то вдруг Олег решил, что вполне созрел для семейной жизни, а Майя именно та женщина, которая лучше всех подходит на роль жены и матери его детей, и он высказал ей свои размышления на эту тему как-то вечером в ресторане за ужином.

– Ты, знаешь, Майя, – сделав глоток вина и посмотрев на нее с самым серьезным видом, поделился он мыслями, – я тут размышлял несколько дней и понял, что, совершенно очевидно, нам надо пожениться.

Майка закашлялась от неожиданности, чуть не подавившись кусочком огурца, который жевала в момент объявления итогов длительного размышления, торопливо схватила бокал с водой, запила, прокашлялась и просипела:

– Что?

– Что тебя так удивляет? – пожал плечами Олег. – По-моему, все очевидно и логично. Мы идеально подходим по социальному статусу и в физическом плане: секс и хорошее здоровье. К тому же мы влюблены друг в друга. Да и возраст уже вполне созрел. – Он сделал еще глоток вина и улыбнулся ей. – Так что говори «да», и завтра пойдем в ЗАГС, подадим заявление.

– Я подумаю, – улыбнулась в ответ Майя.

– Да, что тут думать, – махнул рукой он. – Надо жениться, и все. Свадьбу сделаем скромную, пригласим только родственников и близких друзей, человек на тридцать-сорок. Посидим в ресторане, отметим. Без мещанства дешевого и кукол на капоте.

Она так и не ответила немедленным согласием, но на третий или четвертый раз настойчивых и аргументированных уговоров все-таки приняла предложение, подумав: а что, на самом деле, вполне подходим друг другу и, действительно, возраст.

И снова в ее жизни закрутился, разгоняясь все больше и больше, маховик подготовки к свадебному торжеству. В этот раз свалить все заботы на родителей не получилось, и Майе пришлось лично впрягаться в подготовку к знаковому событию.

И поначалу ей даже понравилось составлять планы, списки нужных дел, продумывать все до мелочей, чувствовать некий душевный подъем от ожидания предстоящего события... Но! В один не прекрасный момент, когда она рассматривала образцы пригласительных открыток, которые разложила перед ней улыбчивая девушка-менеджер, Майя вдруг как прозрела и до конца осознала, что через несколько недель она станет женой Олега.

И это осознание накрыло ее, как пыльным душным мешком!

Почувствовав неожиданную нехватку воздуха, она схватила сумочку и, скомканно извинившись, пролепетав нечто невразумительное, пулей выскочила на улицу и принялась вдыхать-выдыхать, стараясь заглушить волну паники и справиться с удушьем!

Мама дорогая!! Неужели все повторяется!

И знаете, что? Да! Все повторялось, только на этот раз еще в более извращенной форме!

На сей раз Майя была уже постарше и знала-понимала про эту жизнь уже ой как побольше себя прежней. Ей пришлось пройти немало житейских школ в коллективах разных и с разными непростыми людьми.

И как-то очень быстро, почти стремительно из элегантного воспитанного молодого человека Олег Иванцов превратился для нее в занудливого сноба, сосредоточенного только на своей драгоценной особе, жуткого метросексуала, как теперь принято это пафосно называть, а попросту: шмуточника выпендрежного, придирчиво-требовательного до отвращения к модным тенденциям во всех мелочах и деталях. До ее отвращения.

И такой, знаете, рассуждает: фи, что это вон та дама на себя надела, это же прошлогодняя коллекция; а вот эта, что, не догоняет, что вещи на ней не сочетаются; а этот мужик совсем без понятия: одет от кутюр, а маникюр не сделан.

Олег имел завышенные требования к жизни и к окружающим людям заодно. Ничего конкретного он делать не умел, в том смысле, что ручками и головой, ну, хотя бы бизнес какой-нибудь мало-мальский свой состряпать при таких-то

заявках к жизни, ну или экономист, юрист, аудитор на крайний случай, все-таки реальное дело. А он себя элитным менеджером называл и, по Майиному мнению, ничего не делал.

Майка оставила все дела по подготовке торжества, и недоумевающей маме пришлось подхватить брошенное «знамя» в разгар боя и взять все в свои руки, пытаясь выяснить у дочери, что с ней происходит.

– Майя, я понимаю, ты нервничаешь перед свадьбой, но все идет по плану, вовремя, ты все прекрасно организовала, не надо так беспокоиться и бросать все дела на последнем этапе, – призывала дочь к порядку Лариса Анатольевна.

– Мам, у нас сейчас новая коллекция, ужасно много работы, мне надо все успеть сделать...

Ну, или еще чего придумывала и невнятно мямлила в оправдание Майка.

За три дня до свадьбы она уже откровенно задыхалась от приступов удушья, чувствовала себя загнанной в ловушку свободолюбивой мышью, и не могла даже голос бодрого жениха слышать. И Майка сбежала!

К бабушке с дедом, папиным родителям в Калугу! Вот так.

Ехала в салон забирать свое свадебное платье, мимолетно бросила взгляд на дорожный указатель над МКАДом, где стрелочкой обозначалось направление: на Калугу. И в этот момент Майка поняла, что ни за каким платьем она не поедет хоть вы ее расстреляйте, и замуж за этого невнятного эгоиста и вообще полного придурка Олега не пойдет! И проследовала согласно дорожному указателю... Так и доехала к вечеру до бабушки с дедом.

Они, понятное дело, внучке-то обрадовались, но и подивились страшно. Перепугаться сильно старикам Майка не дала, практически с порога заявив, что сбежала из-под венца, возвращаться не собирается и замуж выходить тем более. Выпила две большущие кружки травяного чаю с бабулиными оладушками и липовым медом и завалилась спать, предоставив разбираться с последствиями своих поступков всем остальным участникам массового мероприятия.

И проспала исцеляющим сном без сновидений ровно сутки.

А когда проснулась и вышла «в свет», то обнаружила родителей любимых, сидящих за столом в кухне. Приездом родителей не ограничилось, где-то через час подтянулась и другая любимая родня, а именно: родной брат папы дядя Андрей, его жена тетя Вика; Макса их сына, ровесника Майки, слава богу не было, зато приехала Лиза, их младшая дочь и, соответственно, двоюродная сестра Майи.

Вот тогда Майя и рассказала высокому собранию про свою странную фобию, про страхи, которые она испытывала и в первый раз, собираясь замуж, и вот сейчас.

Родные онемели. И перепугались за нее не на шутку.

А Лиза, задумавшись, вдруг заметила:

– Это хорошо, что ты не вышла за Олега и тогда за Игоря.

– Как это хорошо? – ахнула было родня, вспомнив про финансовые и моральные вложения, а потом, как волна от берега, возмущение отхлынуло так же быстро, как и накатило. – А и правда: к лучшему, что ж теперь замуж выходить и мучиться, если парень совсем не нравится и прошли чувства, только жизнь себе портить.

Майка Лизоньку очень любила. Елизавета – особая девочка, такая задумчивая, спокойная, уравновешенная, вся в себе, в своих мыслях, но очень светлая, чистая и какая-то мудрая. И хоть сестра и была младше ее на пять лет, но Майя была с ней очень близка и многие свои печали и переживания поверяла только ей. Так вот получилось.

Олега она уведомила о нежелании выходить за него замуж по телефону. Объяснять ничего не стала, извиняться и каяться тоже. Некрасиво. Конечно. Но как-то по-другому она не могла. Вот не могла и все! А вернувшись в Москву, собрала все его подарки, какие-то вещи, что он оставил у нее в квартире, и отправила с курьером ему на работу.

Он несколько раз предпринимал попытки поговорить, выяснить, что произошло, подждал ее у дома и с работы, но Майка ничего объяснять не стала, отказываясь от приглашений в ресторан или кафе и от требований сестры и поговорить.

– Хорошо, я уже и сам понял! – разозлившись, заявил Олег в свой последний приход. – Тебе кто-то донес про меня и Лену!

О! Слава богу, есть какая-то Лена! И мужик, наконец-то, нашел самое приемлемое объяснение, возрадовалась про себя необычайно Майка, мысленно поблагодарив эту незнакомку.

Да и фиг бы с ним и с Леной этой совсем!

Он что-то еще говорил, пытался объяснить, но Мая тогда отрезала жестом руки все его попытки побеседовать и молча села в машину.

Разумеется, ее откровенное признание и «совет в Филях», вернее в Калуге, без вердиктов и последствий не остался. Родители решили, что у ребенка что-то с психикой, и отправили дочурку на прием к известному и дороговущему сверх всякой меры психологу.

Майка честно выдержала три сеанса. С большим скрипом, глубоким недоумением, но выдержала. Психолог, мужик лет шестидесяти, тихим проникновенным голосом, видимо должным вызывать у пациентов особое доверие и расположение, принялся подробно расспрашивать ее о детстве, об отношениях родителей между собой и с ней, о жизни бабушек-дедушек, особо интересуясь, были ли разводы в семье и все ли родственники росли в полных семьях.

Майка откровенно недоумевала, на кой черт он копается в истории ее семьи. Нет, она, как образованный и начитанный современный человек, естественно, понимала, что истоки всех наших страхов и фобий кроются в детстве, а уж такой фобии, как у нее, тем паче, и что искать корни этого странного страха перед замужеством логичнее всего в отношениях в семье, но в первые же полчаса на первом же сеансе она объяснила дядьке заумному, что в их семействе все живут и всегда жили в браке.

Правда, надо признаться, был один инцидент. Папины родители развелись лет десять назад и даже поделили имущество и разменяли квартиру, но через три года снова поженились и съехались и живут теперь в полной любви и благодати. Что это было? Они только посмеиваются и переглядываются загадочно, когда кто-то из семьи пытается их расспрашивать на эту тему, а бабуля напускает туману, заявляя:

- Небольшие расставания только укрепляют брак!

- Ничего себе небольшие! - возмущается Майка. - Вы даже квартиру разменяли и три года не жили вместе.

- Кто тебе сказал, что не жили? - принималась смеяться бабуля.

- Мы ходили друг к другу в гости на свидания, - подмигивал внучке дедушка.

И что? Это событие можно назвать трагедией жизни, так неисправимо сильно повлиявшей на психику Майки? Да, когда они развелись, ей исполнилось двадцать три года, и психика у нее была вполне себе устойчивая, а странный психоз первой несостоявшейся свадьбы она уже пережила!

Но крутой специалист в психологии все расспрашивал и расспрашивал ее о детстве, задавая все более странные вопросы, совсем уж забурившись в какие-то дебри типа: а не видела ли она случайно в детстве, как родители или кто-то из взрослых родственников, знакомых занимаются любовью?

Да ни случайно, ни нарочно не видела!

И вообще росла нормальным ребенком в нормальной здоровой семье с классными умными родителями и родственниками!

Все!

Послала она эти сеансы подальше... И обеспокоенные родители отправили ее к сексопатологу, не менее известному и дорогому, чем психолог. Ну, там Майи хватило ровно на одно посещение и то не полное.

После того как – будете смеяться, тоже мужик лет под шестьдесят, не самой привлекательной внешности – битый час задавал ей вопросы такой беспардонной интимной откровенности, что Майка даже подумала про себя грешным делом, что он тайный эротоман и извращенец, нашедший прекрасное применение своему извращенному уму, выбрав подобную и вполне официально разрешенную профессию; она просто ушла с середины сеанса, не сделав даже ручкой доктору по сексу.

Потом была какая-то бабка-знахарка в далекой деревне, куда Майю отвез папа. Знахарка долго ходила вокруг девушки, что-то приговаривала, жгла свечки, брызгала водой и читала молитвы. И вынесла вердикт:

– Здоровая, нормальная девочка. Никакой черноты на тебе нет, ни порчи, ни сглазов и никакого «венца безбрачия» тоже, – решительно заявила старушка и добавила: – Одаренная ты хорошим видением, знанием и чувствованием, вот и мучаешься, разрываясь между тем, что душа говорит, и тем, как принято сейчас у людей жить. Не слушаешь душу-то. А судьба у тебя интересная, богатая жизнью, переменами и чудесами, если не испортишь по глупости. – И как отрезала: – Все. Иди.

Окончательно все успокоились и поставили точку в вопросе Майкиной замысловатой фобии после того, как однажды вечером недели через три после их возвращения от знахарки на кухне за ужином папа выступил с речью. Они ели, о чем-то разговаривали, и мама, неожиданно погладив Майю по голове, вздохнула расстроено и совсем не в тему общего разговора вдруг спросила:

– И что нам теперь делать с этой ее проблемой? К какому специалисту идти?

– Да ничего не делать и никуда не идти! – возмутился папа. – И нет у Майи никакой болезни и психоза! Просто мы с тобой, Лорик, воспитали слишком добрую и ответственную дочь. На которой все мужики отчего-то непременно хотят сразу жениться и настаивают на этом. Она влюбляется, а когда первая влюбленность проходит, видит, что они не так уж ей и нравятся, а уже подготовка свадьбы в разгаре. Вот ребенок и не хочет нас расстраивать и так переживает из-за этого, что доводит себя до болезни. Правда, Маюшка?

Папа с детства ее так называл – Маюшка, и ей это имя очень нравилось, когда она была совсем маленькой, становилось так тепленько-тепленько внутри, когда

отец произносил его таким голосом с особой нежностью. Вот как сейчас.

Девочка Маюшка кивнула, чувствуя ком в горле, грозящий пролиться слезами от чувств.

– Да и честно сказать, – продолжил папа, вернувшись к своему ужину, – мужики-то были так себе, ничего серьезного. Хлипковаты для тебя, без стержня и характера. Так что даже и очень хорошо, что не вышла ни за кого из них.

Постепенно, за делами и жизнью текущей, тема Майкиного свадебного психоза стала неактуальна. Шли годы, и за интересной работой, непростыми решениями и невероятной занятостью, за переменами в жизни она как-то о парнях и отношениях и не особо-то и думала. Ну, была пара легких увлечений, на которые и времени-то не хватало, да и все. Но! Как водится, без этого «но» жизнь вообще не проистекает!

Она-таки встретила хорошего парня, на которого вполне конкретно и весьма серьезно запала. Геннадий Павлов, ученый, между прочим, биолог, тридцати семи лет. И тот факт, что он старше ее не на пять лет, как было оба раза с первыми неудачными влюбленностями, а на шесть, Майку каким-то странным образом уверил, что все у них сложится хорошо и правильно.

Девочка к этому времени выросла уже и стала «большенькая», как говорит ее бабушка по маме, и долго они с Геной не бултыхались в ухаживаниях и свиданиях, а буквально через месяц после знакомства сняли квартиру и съехались.

Ей с ним было интересно. Майка всегда обладала одним исключительным свойством характера – она умела слушать. По-настоящему заинтересованно слушать людей, многое узнавая и запоминала что-то новое, заодно разбираясь и в самом рассказчике.

Гена любил говорить. Даже не так – не то что просто говорить, а повествовать – о своей работе, своих изысканиях, о коллективе и интригах в нем, о своих планах, мыслях и идеях. А найдя в лице Майи великолепную, благодарную слушательницу, просто расцвел, повисив по ходу и собственную самооценку.

В общем и целом, они неплохо жили, притирались друг к другу, осваивали жизненные привычки партнера, привыкали к его недостаткам и достоинствам, выстраивали совместные правила. Одним словом – обычная семья.

Вот-вот-вот!! Именно на этом слове Майка и споткнулась очередной раз!

И была это полная и непоправимая ка-та-стро-фа!!

Они прожили с Геной чуть больше года, когда вдруг в виде сюрприза он решил сделать ей предложение руки и сердца и попросил выйти за него замуж!

Майка смотрела на кольцо в распахнутом шелковом нутре бархатной ювелирной коробочки, которую новый жених держал в ожидании ответа, и чувствовала, как холодная скользкая змейка страха и неприятия этой ситуации заползает куда-то под сердце, перекрывая своим длинным вертким хвостом горло, вызывая первые признаки удушья.

– Да зачем? – прокашлявшись, решила перевести все в шутку Майя и натянуто рассмеялась. – Мы и так прекрасно живем, зачем нам эти условности, Ген?

– Потому что пора подумать о семье, о серьезных отношениях, о детях, Маечка, – пояснил он учительским менторским тоном. – И я хочу прожить свою жизнь с тобой. Ну давай, примерь кольцо, не ошибся я с размером?

Она смотрела на вполне симпатичное колечко, как на протянутые наручники для ареста, и совершенно четко осознавала, что снова неотвратно и предательски впадает в эту страшную, нелогичную, тупую проклятую панику!! И еле выдавив из себя:

– Мне надо подумать... – вскочила с дивана и убежала в ванную, быстро захлопнув за собой дверь, закрыла ее на защелку, крутанула со всей силы на полную мощность кран над умывальником, так, что струя воды шибанула в фарфоровое нутро, обдав девушку брызгами, наклонилась и подставила лицо под холодную струю.

– Майя, что случилось? – стучался в дверь обеспокоенный Гена. – Тебе что, плохо?

– Нет-нет! – просипела Майка. – Все нормально! Немного тошнит, я же говорила, что кальмары в кафе были несвежие!

– Может, «Скорую»? – не отставал со своей заботой он.

– Не надо! – прохрипела она, уговаривая себя не послать его неинтеллигентно грубо куда подальше.

Майка отсиделась с полчаса в ванной и неохотно вышла, надеясь, что сегодня для горячего обсуждения вполне хватит темы ее мнимого отравления и к вопросу о законной совместной жизни они возвращаться не будут.

Ага, сейчас! Как раз тот случай! Гена-то Павлов ученый, и пока не закончит эксперимент и не добьется результатов, не отступит. Как тот мальчик с молотом из старого киножурнала «Хочу все знать!». Ну, помните? Такой здоровенный орех и речевка на заставке: «Орешек знаний тверд!» И тут появляется бодрый пионер в галстучке с молотом в руках: «Но! Мы не привыкли отступать! Нам расколоть его поможет киножурнал «Хочу! Все! Знать!». И фигак-фигак этой дурой по ореху.

Вот-вот, это про Гену.

Вечером, удостоверившись, что с подругой все в порядке, он принялся лупасить и долбить свой орешек в Майкином лице на предмет втемяшившейся ему в голову идеи пожениться.

Как ей удалось в тот вечер отвертеться и ничего не ответить, до сих пор остается загадкой, но вот удалось – заявила твердо, что должна подумать. К следующему вечеру Гена решил, что времени на «подумать» у подруги было более чем достаточно, и затребовал немедленного ответа.

Немедленного Майя не дала, а, сделав страшные глаза, «вспомнила», что не выключила утюг на работе, быстро прыгнула в свою машину и укатила... к родителям домой.

– О, доча! – обрадовался ей папа, выходя в коридор на звук поворачиваемого ключа в замке. Обнял, прижал к себе, поцеловал в макушку и признался: –

Соскучился.

– Майечка! – выпорхнула к ним в прихожую мама. – Как хорошо, что приехала, я как чувствовала: еды наготовила всякой вкусной, сейчас ужинать будем! – И спросила: – А Гена не с тобой, что ли?

– Родители! – решила признаться сразу Майка. – Все плохо!

Папа дочь отпустил и сделал шаг назад к жене. Майка, посмотрев на них, вдруг подумала, какие они у нее все-таки классные, настоящие – встали рядом, плечо к плечу, как сплотились перед неприятностями, отец маму приобнял за талию, даже не заметив этого своего поддерживающего жеста, – встали встречать вдвоем любую напасть. А напасть у них – это то, что дочь какая-то странная, с закидонами. С заклинившим бзиком в голове.

Беда-а-а...

– Что стряслось? – перепуганно спросила мама, приложив ладошку к сердцу.

– Гена сделал мне предложение выйти за него замуж! – бабахнула признанием Майка.

Родители переглянулись и снова посмотрели на дочь.

– И что? – осторожно поинтересовалась мама.

– И все то же! – развела руки в стороны бессильным жестом Майя.

– О господи! – воскликнула мама и переложила ладошку с груди на губы.

– Так! – решительно заявил отец. – Давайте-ка отложим разговоры и поужинаем!

После ужина решили, что Гене незачем сообщать о Майкиных странностях, как мягко назвала это мама, а Майе надо спокойно согласиться на брак. Только предложить не спешить со свадьбой, оттянуть сроки и внимательно прислушаться к своим мыслям и ощущениям.

Да, классная идея, продуктивная, кто бы спорил!

Только на пути к мирному счастью встал Гена со своим упертым характером. Ему не быть не слыть, а прямо припекло сделать Майку своей законной женой и как можно скорей! Про отсрочки он и слышать не хотел, недоумевал, в чем, собственно, дело и почему она сомневается.

И чем дольше длилась его осада, уговоры и попытки выяснить суть заковырки непонятной на пути к семейному счастью, тем хуже становилось Майке, тем больше и больше она охладевала к нему и все больше и больше находила в нем недостатков.

Приплыли!

Дней через пять от первоначального предложения с кольцом в коробочке Майе надоела вся эта бодяга и канитель, и она решительно ответила на предложение мужчины:

– Либо мы продолжаем и дальше жить, как жили в гражданском браке, либо расстаемся, замуж за тебя я выходить не хочу! И не за тебя тоже! Ни за кого не хочу!

А мужика от такого заявления просто порвало на лоскуты!

Он пытался выяснить: почему?! А как же! Ученый хренов! Он докапывался и изводил ее вопросами всю ночь под девизом «надо во всем разобраться, чтобы не осталось непроясненных моментов». Больше всего, как выяснилось в процессе многочасового разговора, его задевала сама мысль, что Майка посчитала его недостойным для себя мужем.

– Значит, для того чтобы сожительствовать, я тебе подхожу, а в качестве законного мужа, с которым надо строить семью, нет?! – спрашивал Гена возмущенно и хватал Майю за руку.

Майка поначалу еще как-то пыталась неубедительно успокаивать разбушевавшегося негодованием друга, объяснять непонятное и самой, а к утру он так ее достал своими допросами и выяснениями, что она послала биолога

куда подальше, села в машину и уехала к родителям.

Ее встречного предложения о свободном от штампов проживании Гена не принял. О чем и сообщил на следующий вечер. Наговорил массу обвинений, уведомил, что они официально расстаются, и занес в прихожую сумки с ее вещами, которые собрал днем, проигнорировав свою работу ради такого показательного выступления.

«И полил слезами», – язвительно добавила про себя Майка, не испытывая ничего, кроме невероятного облегчения, после того как очередной жених ушел.

А через месяц она узнала, что Гена женится... на своей лаборантке. То ли в укор и моральную фигу ей, Майе, проследив при этом, чтобы новость до нее непременно дошла, то ли так уперся в своей идее сменить статус холостяка на статус женатого мужчины. А может, и какие иные причины имелись для такой настойчивости – сплетница из его института, которая и сообщила Майке новость по телефону, намекнула вроде как невзначай про его возможную длительную командировку за границу с условием семейственности и наличия жены.

Кто знает, что им руководило, но только Майка села за стол в кухне и заплакала. И никак не могла остановиться. Так ее и застали родители, вернувшиеся с работы, и кинулись выпрашивать и утешать.

– Я ведь больная, мам, пап! – рыдала она, размазывая слезы по щекам и подбородку. – Чокнутая какая-то.

– Ничего ты не ненормальная! – строго отчитал Лев Егорович. – Это мужики тебе дерьмовые попадались!

– А они-то при чем, если я в панику каждый раз впадаю, сбегая как дура и вообще болею, когда дело до свадьбы доходит? – начинала рыдать с новой силой Майка.

– Вот при том, что я и говорю: дерьмовые мужики! – настаивал папа.

Этот слезный концерт с выходом главной артистки на авансцену прервал звонок в дверь. Мама пошла открывать, пока папа вытирал доченьке непутевой соплю и

слезы и утешал как мог, и вернулась в сопровождении тети Вики.

Теперь они втроем уселись за круглый стол вокруг Майки и принялись успокаивать и уговаривать дитя неразумное тридцати с лишним годов. И тут вдруг тетку любимую озарило:

– Я знаю, что надо делать!! – громко сообщила она, возбудившись своей идеей необычайно.

– Что-о? – пролепетала Майка и хлюпнула сопливый от слез носом.

– Моя подруга... – начала тетка и повернувшись к маме, быстро уточнила: —...ну, ты знаешь, Катя Березина... – и снова повернулась к внимательно слушавшим Майке с отцом: —...пару недель назад вернулась из Сибири, у нее была проблема. Психосоматическое заболевание у мужа. Он после аварии, в которую попал больше года назад, не встает, не двигаются ноги, как при переломе позвоночника. Но дело в том, что он абсолютно здоров. Они прошли какие только можно обследования и клиники, и все врачи в один голос утверждают, что никаких повреждений нет и позвоночник в полном порядке, как и все остальные органы. А ее муж не встает, и все. Чего только Катя ни предпринимала и к каким только специалистам его ни возила – бесполезно! И гипноз, и психологи, и психотерапевты с ним работали, и экстрасенс даже и бабки-знахарки. Лежит. И вот ей посоветовали съездить к святому старцу.

И тетя Вика рассказала.

В Сибири есть старинный мужской монастырь, удаленный от любого жилья на десятки километров. Место это местные жители называют Светлой Пустонью, или просто – Пустонь. Почему, никто понятия не имеет, повелось так со старины глубокой. И вот в этом монастыре живет Старец Никон, которого в народе считают святым, отмеченным особым видением и даром Божьим. Он видит в людях все: кто и от чего болен и у кого какая напасть и проблема, и что с человеком происходит и почему, и что будет. Он может помочь и исцелить даже на расстоянии по фотографии, а то и вовсе посмотрев только на близкого больному человека. И в делах жизненных помогает – снять боль душевную, обиду или вину, или недуг душевный, растолковав, отчего человек мучается и изводится. Во всем может помочь. Святой Старец, одним словом.

Как и когда Никон появился в монастыре, никто не помнит, разве что настоятель. Но живет там провидец Никон чуть ли не с войны, говорят, имел сан церковный высокий да отрекся от него, удалившись в монастырь, а провидцем был не то от рождения, не то от беды, с ним приключившейся, но только видение у него сильное Божественное, и он Богородицу слышит и Архангелов.

Правда или нет про то, что он там слышит, доподлинно не известно, но то, что почитают его монахи, как просветленного и Богом отмеченного, это точно. Как и то, что люди, которым он действительно помог, исчисляются сотнями и сотнями.

Вот и едут валом в Пустонь паломники, невзирая на то, что находится монастырь в дремучих землях, дальше только тайга с тундрой и белые медведи.

И это, оказывается, еще не все чудеса того монастыря. Есть там у них вроде как чудотворная икона Божьей Матери, которая начала мироточить еще лет двадцать с небольшим назад, тогда, когда Союз развалился. И находится эта икона в церкви на территории самого монастыря. Поначалу, когда случилось это чудо, монахи стали пускать к ней всех страждущих и желающих, но икона почти сразу перестала мироточить и потемнела, словно закоптилась. Тогда свободный доступ к ней закрыли, реставрировали икону, и она снова стала истекать миро. И вроде только старец Никон знает и видит, кого к ней можно и нужно допустить и кого она примет. Да, еще есть один интересный момент – женщин в монастырь не пускают. И если Старец видит, что какой-то женщине обязательно надо к иконе, чтобы помолиться и получить от нее помощь, то она может попасть к ней только вместе с мужем. И никак иначе.

Вот такая загогулина.

Правда, выяснилось, что не все так просто и с посещением самого Старца Никона.

Ну, во-первых и в самых главных, – принимает он не всех подряд и не по расписанию, как в конторе. Паломникам и страждущим разрешено посещение только летом и только три дня в середине каждого летнего месяца – четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого, и неделю в начале сентября.

Во-вторых, есть ряд обязательных условий для посещения Пустони, а именно: не пить спиртного три недели, за три дня до приезда в монастырь строгий пост, а в

день посещения лучше так и вообще голодание. Если вы приезжаете туда первый раз, то обязательно должны простоять утреннюю службу и молитву, для этого и катер ходит по специальному расписанию в эти дни – аккуратно к моменту начала службы. Катера делают еще два рейса в день – через четыре часа после службы и вечером.

Церковь, в которой проходит служба, обряды для прихожан и паломников, расположена за стеной монастыря, специально, чтобы не нарушать уединения иноков.

В-третьих, принимает Старец Никон далеко не всех, и процедура эта выглядит следующим образом: после службы, которую транслируют по громкоговорителю на улицу, где и стоит большая часть приехавших, так как церквушка совсем небольшая и вместить всех желающих не в состоянии, Старец Никон выходит на церковное крыльцо в сопровождении священников и двух братьев-монахов, рассматривает оттуда какое-то время собравшихся, потом указывает монахам, кого надо отвести в сторонку, – с этими людьми он будет разговаривать отдельно, а остальных крестит с крыльца и предлагает присоединиться и прочитать молитву вместе с ним. И где-то минут двадцать-тридцать все читают молитву.

Утверждают, что даже эта совместная молитва очень многим помогла и исцелила и без непосредственного контакта со Старцем. После молитвы он благословляет всех, может и обратиться к кому из толпы, назвав по имени, и сказать, что надо ему делать то-то и то-то. Может и небольшую проповедь-наставление прочитать. После чего отпускает всех с благословением и подходит к тем, кого отвели в сторонку монахи.

Вот так вот интересно и загадочно.

Вроде бы об организационных моментах все. Но, чтобы попасть в монастырь, надо четко отдавать себе отчет, что есть така-а-ая заморочка и головная боль с дорогой, что сто раз подумаешь, нужен ли тебе тот Старец со всеми его чудесами, напутствиями и исцелениями.

Значится, так! Для начала на самолете или поезде (что вообще полная засада – «сядешь и тащишься, тащишься» несколько суток, если из Москвы ехать) до областного центра, там пересесть на другой поезд местных линий и за

двенадцать (на минуточку, еще двенадцать!) часов доехать до маленького, уютного старинного районного городка, а там уже рейсовым катером до монастыря около двух с небольшим часов. А теперь все это требуется состыковать по времени, расписанию и возможностям.

Ибо! Если вы хотите попасть на утреннюю службу, то вам нужно сесть на местный поезд, выходящий из райцентра в определенное время вечером, чтобы приехать совсем рано на рассвете, а для этого требуется прилететь на самолете или приехать на поезде в нужное время или заранее, останавливаясь в гостинице. А вот вернуться тоже не балалаечный наигрыш – поезд на станции этого городка останавливается два раза в день, утром и в шесть часов вечера, и ни на один из этих рейсов не успеть, если вы отправились в Пустонь.

А следовательно... правильно – гостиница или частное жилье.

Есть в этом городке, уже привыкшем к наплыву паломников, и такое. Но местную «гостиницу» человеку, привыкшему отдыхать на разных зарубежных курортах, можно назвать так только с большой натяжкой. Это скорее маленькие частные пансионаты на несколько комнаток.

Вот в этот-то «поход за семь морей» и наладила родня заботливая Майю Львовну. Она-то единственная, кто сильно сомневался в нужности такого вояжа и предприняла несколько вялых попыток отказаться и вразумить родню, да почему-то без огонька и особой убедительности, скорее для проформы.

Ну а правда, в конце концов подумалось Майе, чего не съездить, вдруг этот Старец и поможет разобраться с ее проблемой. А не поможет, так можно считать такую поездку паломничеством по святым местам.

Вот примерно так рассуждая, Майя заказала билет на самолет до областного центра: туда и через неделю обратно, решив заодно и посмотреть достопримечательности города, в котором никогда не была, да и просто отдохнуть от Москвы суматошной. Ну и, ясное дело, номер в гостинице забронировала. Забронировала билет и на поезд в правильное, нужное время...

На этом цивилизация закончилось.

Заказать гостиницу по Интернету в районном городке оказалось невозможно – только лично переговорив по телефону. И, как в Египте в разгар сезона, номеров свободных на эти паломнические дни не оказалось.

Опаньки! А где же она тогда переночует?

Ведь по расчетам Майи, ей придется одну ночь провести в городке. Она плотно засела за телефон и принялась обзванивать все гостиницы, пансионаты и частный сектор жилья, которые только нашла в Интернете. К вечеру номер на одну ночь Майя нашла и забронировала, и то по чистой случайности и везению, только потому, что кто-то отказался от брони прямо перед ее звонком.

Ну и ладушки. Вот и поедет!

И девушка Майя, не подозревая, какой она наивняк непроходимый на всю свою странную головушку, ничего не зная о нашествии верующих и страждущих по святым местам и к святым людям, отправилась через два дня в свой вояж.

И началось!!

Чтобы не застрять в пробке и не опоздать на самолет, папа решил отвезти дочь на машине только до железнодорожного вокзала, где она сядет на аэроэкспресс до аэропорта. И, разумеется, как и положено по всем правилам попадания, они застряли в пробке, и Майка бежала, как спринтер какой, отбивая себе бедро дном дорожной сумки, колотившей по ноге, но не зря – успела на экспресс, прибывавший в аэропорт практически впритык к концу регистрации на ее рейс.

Опаздывающей оказалась она не единственной, и вместе с остальными задерживавшимися нервничала ужасно и бежала на посадку через все проверки и длинные коридоры.

Успела, ладно!

Плюхнулась в свое кресло, отдышалась и только тогда заметила, что ее сосед – толстый одутловатый мужик. Он страшно потел весь полет, и от него пахло чем-то кислым, пережаренными пирожками и борщом с чесноком. Много-много чеснока! И, наверное, лука тоже!

Пересесть без вариантов – все места в салоне самолета заняты.

И так она промучилась долгие часы полета. К тому же сосед предпринимал несколько попыток дружески поговорить, позаигрывать. И каждый раз при очередном его заходе с беседой Майка изображала хомячка, резко впадавшего в спячку.

Намучила-а-ась! И первой подскочила с места, когда прилетели.

Высадку пассажиров по неизвестным причинам почему-то задержали, и Майке пришлось хватать такси и мчаться через весь город на железнодорожный вокзал, все подгоняя и подгоняя водителя и расталкивая возмущающуюся очередь, извиняясь, продираться к окошку кассы, чтобы выкупить свой билет и снова бегом нестись к поезду.

Тоже чуть не опоздала, но успела и даже смогла немного отдышаться, последние метры к вагону уже пройдя быстрым шагом.

И только тут выяснилось, что билет у нее в плацкарт! Майя же забронировала то, на что было свободное место, практически последний билет забрала, а тут плацкарт!

Мама дорогая!!

Полная засада, к тому же верхняя полка! И так, для заметки, ну, чтобы напомнить себе, что жизнь веселая штука, – она в длинной юбке и никаких брюк спортивных или пижамных у нее с собой не имелось, чтобы легко и весело сигать по верхним полкам, только домашнее трикотажное платье для гостиницы, тоже несколько длинноватое.

Но тут ей повезло – нашелся попутчик, который сам предложил девушке поменяться, посочувствовав, наверное – у него как раз место на нижней полке, только соседнего купе. Майка с благодарностью приняла предложение мужчины, и только потом поняла, что это была очередная шутка судьбы, не совсем чтобы удачная, скорее сарказм. В прежнем купе ехали молодые ребята компанией – три девушки и два парня на боковых местах, а в этом, куда она перебралась, три невеселые и очень разные женщины и два дедка на боковых полках.

И вот эти-то женщины нашли в Майкином лице свободные уши и сердобольный отклик. Стоило ей признаться, что она едет в Пустонь – и все! Майка пропала, причем конкретно! Они начали наперебой рассказывать о своих проблемах, бедах, диагнозах. Долго. Подробно. И с большим чувством.

Ей казалось, что эта бесконечная дорога никогда не кончится! Но, поужинав рисом с овощами, которые специально приготовила в дорогу, кое-как переодевшись, прикрываясь простыней, Мая решительно улеглась на полку, отвернулась к стене, всем своим видом демонстрируя усталость и нежелание продолжать разговор, и заснула.

Ее растолкали совсем ранним утром, даже и не совсем чтобы утром, скорее поздней ночью. Хотя понять, какое время суток сейчас на дворе – утро или вечер, было проблематично, – Север, знаете ли, июль месяц, белые ночи. Кто не был и не видал, рекомендуем – красотища невероятная!

Как ни странно, рассвет все-таки состоялся. Великолепный, яркий, удивительный, но чуть позже, после того, как они приехали.

И теперь вот катер, переполненный людьми, и Майя сидит на палубе, на своей замечательной сумке, которая ей очень нравится, и, прикрыв глаза и положив голову на бортик катера, думает о том, на кой черт она вообще сюда приехала?! Что она здесь делает?! Это же бред какой-то – притащиться через полстраны из Москвы в Сибирь в какую-то Пустонь! И ради чего? Кому тут какое дело до переклинов странных у нее в голове, когда у людей такие проблемы и сложности? Реальные вопросы жизни или смерти!

Больше всего Майе сейчас хотелось оказаться в хорошем гостиничном номере, принять ванную с пеной, нормально позавтракать и завалиться спать часиков на пять-шесть. А потом проснуться и чудесным образом оказаться дома в своей кровати...

– Девушка! – потряс кто-то ее за плечо. – Девушка!

– А? – спросила Майка, открыв глаза и выскакивая из дремы.

Оказывается, она задремала за воспоминаниями, а обращалась к ней та самая попутчица, с виноватым выражением лица глядя на Майку.

– Простите, что разбудила, – извинилась покаянно женщина, – но мне надо в туалет, что-то меня укачало, не посмотрите за моими вещами?

– А? – снова переспросила Майя и, окончательно проснувшись, заторопилась уверить. – Да-да, идите, конечно, я посмотрю, не волнуйтесь.

Женщина благодарно улыбнулась через лик страдания, прочно закрепившийся на ее лице. Майя посмотрела, как попутчица аккуратно переступает через ноги и вещи других пассажиров, расположившихся на палубе, и снова почувствовала укол совести и тягучую вину за свое несоответствие страданиям этих людей.

– Вы зря так переживаете, – произнес кто-то совсем близко.

Мая повернула голову на голос и увидела мужчину, сидевшего рядом на старом брезентовом рюкзаке. Она его раньше как-то и не заметила, ну, вернее, заметила, но мимолетно, когда нашла место, где можно присесть, а он как раз расположился за соседкой, что отошла сейчас.

– Что? – на всякий случай переспросила она.

– Я говорю, вы зря так переживаете, девушка, – повторил мужчина и улыбнулся ей приветливо.

Ему, наверное, было лет за пятьдесят, ближе к шестидесяти, и его старый потрепанный рюкзак с выгоревшим от времени и солнца брезентом совершенно не соответствовал общему облику вполне благополучного горожанина, фирменной одежде и довольно дорогим часам на руке.

– А почему вы решили, что я переживаю? – улыбнулась ему в ответ Мая.

– Потому что у вас на лице отражаются все ваши чувства, абсолютно четко, милая барышня, – пояснил он и усмехнулся. – Я даже могу попробовать угадать, о чем вы думаете и почему ругаете себя.

- О чем? – поинтересовалась она.

- Вы думаете, что все эти люди, которые едут к Старцу Никону, страдают тяжелыми болезнями или имеют страшные беды и несчастья в жизни и с родными, а вы тут лишняя, потому что здоровая и благополучная, и ваша проблема – это такой пустяк, такая ерунда по сравнению с тем, что приходится переживать этим людям, что даже стыдно и неправильно ехать в святые места и надеяться на помощь святого человека. И вы вините себя за это. – И еще раз улыбнувшись, спросил: – Я прав?

- Да, – честно призналась Майя.

Он ей понравился. Приятный, располагающий к себе человек с очень добрыми мудрыми глазами и открытой улыбкой.

- Так вот, милая девушка, – уверенно сказал он, – все это неправильно, что вы думаете. Я слышал ваш разговор с соседкой и уверен, она не первый человек, который принимается рассказывать вам о своих горестях и проблемах.

- Да, – вздохнула скорбно и покивала Майка. – Не первый.

- А потому что вы располагаете к беседе, – объяснил мужчина, – вы слушаете, сочувствуете и искренне, откровенно переживаете чужое горе. Все это написано у вас на лице. А больным людям жизненно требуется пожаловаться и чтобы их непременно выслушали и пожалели, но такие же, как они, страдальцы и больные категорически не желают слышать про чьи-то чужие беды и напасти, они в свои погружены. Но повторюсь: не стоит так реагировать и расстраиваться, сочувствовать можно и правильно, но принимать к сердцу до боли нельзя.

- Почему? – искренне любопытствовала Майя.

- Потому что в большинстве случаев и практически всегда, – подчеркнул мужчина, – во всех своих бедах и болезнях люди виноваты сами и сотворили они все свои напасти и беды себе своими собственными поступками. И, опять-таки, в большинстве случаев ни отвечать, ни расхлебывать то, что натворили, они не хотят, а ищут виноватых и спасителей. «Мне плохо, и поэтому вы все обязаны мне сочувствовать и спасать, так как я больной человек», – спокойным, ровным,

но очень убежденным тоном пояснил мужчина и продолжил: – Взять вот хотя бы нашу попутчицу. Болело у нее что-то там, болело, а она хозяйство бросить не могла, терпела. И где теперь это хозяйство? И что с ним будет, когда она умрет? Абсолютная безответственность за себя, свою жизнь и здоровье. А теперь к Старцу едет – спасай, Святой человек.

– Но мы все не без греха, и в основном, все стараемся избежать врачей и тянем до последнего, – заметила резонно Майя.

– Да, инертность, наплеватьство на свое здоровье и страх перед эскулапами в российском народе заложен на генетическом уровне, – согласился собеседник и пояснил: – Но я говорю вообще-то не об этом, а обо всех бедах, что случаются с людьми в целом.

– То есть почему именно люди заболевают или попадают в несчастные случаи? – уточнила Майя, с удовольствием погружаясь в беседу.

– Именно, – кивнул он и приступил к изложению: – Тысячи лет назад людям были даны четкие руководства и свод законов и правил, по которым следует жить в чистоте и здоровье души и тела. Все очень просто: есть семь смертных грехов, они потому и называются смертными, что нарушение их ведет к смерти и разрушению жизни, и принимать их надо как незыблемые законы, как Уголовный кодекс, если хотите. Ведь любой вор, любой лихой криминальный человек всегда четко знает, что он нарушает Уголовный кодекс и может за это поплатиться, и принимает это наказание как естественное, когда его ловят. Так почему мы, нарушая заповеди, уверены, что нас минует наказание? Гордыня. Гнев. Уныние. Блуд (похоть). Чревоугодие. Корысть (жадность). Зависть. Все, казалось бы, просто, правда ведь? И что делает человечество? Нарушает все эти законы осознанно и с большим удовольствием. А у нас в стране, после падения Союза, такое ощущение, что люди вообще сошли с ума и стараются наверстать все то, что раньше не нарушали, и вывалить в грязи все то, что было в них чистого. А есть еще и свод правил для жизни, который называется десятью Заповедями Закона Божьего.

– Я помню, – улыбнулась Майя и процитировала: – «Я Господь, Бог твой и не будет у тебя других богов перед лицом Моим»; «не делай себе кумира и никакого изображения того»; «не произноси имени Господа, Бога твоего всуе»; «помни день субботний, чтобы чтить его»; «почитай отца твоего и мать твою»; «не убивай»; «не прелюбодействуй»; «не кради»; «не произноси ложного

свидетельства на ближнего твоего»; «не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего... ничего у ближнего твоего».

- Умница, - похвалил мужчина и спросил: - Вы воцерковлены?

- Нет, - покрутила отрицательно головой Майя. - Я крещеная, соблюдаю какие-то обряды, но далеко не все и нерегулярно, на исповедь, например, никогда не ходила, но пост соблюдаю уже много лет. А десять заповедей запомнила, потому что их часто цитировала одна моя коллега. Они у нее как присказка ко всему были.

- У каждого личные, только свои отношения с Богом, - заметил по-доброму собеседник. - Но, вернемся к нашей теме разговора. Ведь мало найдется людей, например в нашей стране, которые не знают или хоть раз не слышали о семи смертных грехах и о десяти заповедях, согласитесь.

- Ну, скорее всего да, - кивнула Майя.

- Но при этом они ни в чем себя не ограничивают. Обжираются, блудят, презирают других людей, воруют, обманывают, замысливают гадости и месть, лжесвидетельствуют, наговаривают напраслину и ужасно, просто разрушительно завидуют, ненавидят и гадят друг другу. А когда получают болезни или увечья, искренне недоумевают: за что? И тут же требуют к себе особого внимания и трепетного отношения всех окружающих, и все вокруг вдруг оказываются должны их спасать, лечить и помогать всячески. А про молитву, пост, аскезу, покаяние и очищение души никто и не вспоминает.

- Но не все же болезни и напасти от греха и нарушения заповедей - возразила Майя. - Есть люди, чистые душой, праведники, воцерковленные, как вы говорите, но и у них случаются несчастья.

- Есть, конечно, - согласился мужчина. - Для некоторых людей болезнь и несчастья даются как испытания, как укрепление в вере и подготовка к чему-то, к какой-то важной жизненной задаче. Например, родить великого человека, или привлечь последователей, или просветить кого-то значимого для людей. И от того, насколько спокойно и достойно человек проходит эти испытания и принимает свою судьбу, зависит рост его духовности и достижений.

– Ну, это вы о ком-то сильно продвинутом говорите, – засомневалась Майя и привела еще один аргумент: – А дети? Когда болеют или умирают детки, это тоже наказание?

– Как правило, да, – твердо заявил мужик и пояснил: – Наказание родителей. Ведь ребенок связан невидимой пуповиной с матерью до двенадцати лет, и то, как она себя ведет и что делает, очень сильно отражается на его жизни. Я уже не говорю о самой беременности. Посмотрите на современных женщин, как они ведут себя, когда вынашивают ребенка? Не почитают мужа своего, ругаясь и борясь с мужчиной за первенство и главенство в семье, позволяют уничтожение его авторитета и мужчины, как личности вообще, некоторые курят, пьют, матерятся, участвуют в каких-то житейских конфликтах. Живут в агрессии, смотрят новости, ужастики, боевики, едят все подряд без разбора, занимаются сексом всю беременность, вплоть до родов. А ребенок принимает на себя все разрушительные программы матери и отца. Да и потом, после рождения, как родители ведут себя в присутствии ребенка? Но иногда болезнь дитя является тоже своеобразным испытанием и очищением семьи, и тогда она становится только крепче, чище и духовней.

– А когда ребенок погибает? – спросила Майя.

– Это горе, конечно, – вздохнул мужчина. – Но часто ребенок погибает просто потому, что его время вышло. Так бывает, что рождаются детки, которым не дано долго жить, и это воплощение очень короткое. Родителям, разумеется, от этого не легче, такая утрата. Но, увы, чаще всего дети умирают, потому что прошло их короткое время. А люди всегда скорбят о себе, осиротевших после ухода близких, и родителям, потерявшим детей, тяжелее всего.

– Вы упомянули про воплощение, – заинтересовалась Майя. – Вы верите в реинкарнацию?

– Верю, – после некоторой паузы, в которую он внимательно рассматривал девушку, признался мужчина. – Много изучал этот вопрос и имею довольно убедительный личный пример этого явления.

– Подождите, подождите, – покачала она пальчиком. – Вы же вроде убежденный христианин, судя по нашей беседе и, как я понимаю, православный человек, а церковь отрицает повторные воплощения.

– И правильно отрицает, – согласился он. – Человек обязан ответственно и праведно прожить свою жизнь, работать над собой, расти духовно, стремиться к чистым знаниям. А если нам объявить о том, что душа переселяется в другие тела множество раз, то мы пустимся совсем уж во все тяжкие; а чего мучиться: помрем, так снова родимся молодыми и здоровыми, значит, все можно, какие там заповеди и чистота помыслов!

– Простите, – вдруг спохватилась Майя, – как вас зовут?

– Это вы простите, милая барышня, так хотелось вас успокоить, а то, смотрю, вы от сочувствия аж побледнели вся и совсем загрустили. А потом беседой увлекся, вот и забыл представиться. Игнатов Валентин Семенович. – Он слегка склонил в поклоне голову.

– По-настоящему очень приятно, – протянула ладошку она. – Майя.

– Необычное имя, – улыбнулся мужчина, пожимая ей руку.

– Да уж, – подтвердила Майка и поспешила продолжить разговор: – Так мы остановились на воплощениях. А можно про этот ваш личный пример?

– Это длинная история, а мы почти уже приехали, – улыбнулся он понимающе и указал рукой вперед.

Майя посмотрела и увидела впереди по ходу катера, где-то на расстоянии с полкилометра, длинный высокий причал, от которого тянулись ступеньки вверх на крутой берег, где виднелась церковь и дальше еще купола и крыши каких-то зданий.

– Ах, как жаль! – искренне воскликнула Майя. – Так интересно с вами разговаривать.

– Может, еще доведется, – усмехнулся Валентин Семенович и, став вдруг серьезным, дал наставление: – Вы, Майечка, перестаньте принимать так близко к сердцу горести других. Вы ведь тоже не из праздного любопытства сюда забрались и имеете какие-то свои проблемы и, думаю, не самые простые. Люди, разумеется, разные, но большинство из тех, что сейчас плывут на этом катере и

вообще приезжают к Старцу Никону, это те, кто ищет универсальную таблетку от своих болезней. Примешь ее – и все пройдет, и упорно не желают сами меняться и кропотливо работать над собой и со своим недугом.

– Не жалеете вы их? – удивилась Мая.

– Отчего же, – возразил Валентин Семенович, – жалею и сочувствую тем, кто этого действительно заслуживает. – Он посмотрел на приближающийся причал. – Я не первый год сюда езжу, к Никону, много человеческих трагедий повидал и давно разбираюсь в людях. – Он снова посмотрел на Майю и невесело улыбнулся. – И могу совершенно точно сказать, что из всех присутствующих здесь всего несколько человек, которые изменились после беды, случившейся с ними и по-настоящему борются, пытаются осмыслить, что сделали не так в своей жизни, и исправить это; те, кто меняет свою жизнь и становятся чище душой и помыслами. А остальные... – он махнул безнадежно рукой, – за таблеткой и чудесами. – Вздохнул, начал подниматься с рюкзака и протянул Майе руку: – Давайте, Майечка, собираться на выход.

– А я? – спросила его она, приняв помощь.

– А вы девушка особенная и непонятная, но светлая и очень симпатичная, – похлопал он ее по ладошке и снова улыбнулся. – И, думаю, все у вас будет хорошо, даже если вам сейчас кажется, что это невозможно.

* * *

Матвей обратил особое внимание на эту девушку, когда сел на поезд в областном центре. Еще издали увидев, как она торопливо, почти бегом двигается вдоль перрона, держа в руке билет и паспорт. Наверное, и обратил-то такое пристальное внимание, потому что на платформе практически не осталось людей, только несколько провожающих и эта стремительная стройная девушка в яркой длинной юбке, развевающейся вокруг ее ножек.

Но вот она поняла, что успевает, перешла на более спокойный шаг, явно переводя дыхание на ходу, и он смотрел, как девушка приближается к нему и даже с легкой надеждой, выскочившей непонятно откуда, подумал: «Неужели в мой вагон?»

Но нет. Не в его. Она протянула билет проводнице соседнего вагона, двери для посадки в который были открыты рядом. Девушка все еще находилась в стремительной торопливости, возбуждена волнением и отпустившим напряжением, и ни на что вокруг не обращала внимания. Не заметила и его. А Матвей как раз с удовольствием ее поразглядывал, даже подумал непроизвольно: «Какая девочка-то! Прямо вот... хорошая такая девочка».

То, что она столичная штучка, было понятно совершенно отчетливо и сразу – по одежде, по стильной дорогой сумке известной марки, общей ухоженности облика и продуманной небрежности в деталях. Но главное – это особая манера держаться раскрепощенно и уверенно в себе, в своей жизни, присущей в основном столичным жителям, причем не год-два и не десять лет назад приехавшим и осевшим в Москве, а коренным. Даже хорошо обеспеченные люди из российской провинции, за редким исключением, не имели такой внутренней раскрепощенности, которую излучали жители Москвы и Питера. Ну и, естественно, говор, с которым девушка разговаривала с проводницей. Точно москвичка, это ее растянутое «акание» совершенно однозначно выдает место постоянного проживания данной барышни.

Матвей тряхнул головой, прогоняя непрошенные мысли и неуместные ощущения, вызванные пристальным изучением незнакомки.

Не до девочек ему и ни до чего другого в этой жизни, напомнил он себе и зашел в вагон, проходя на свое место в купе.

Он снова увидел ее, когда они высаживались из поезда на станции небольшого городка и оба помогали пожилым женщинам вынести вещи. Тетка, попросившая его о помощи, еще минуту назад бывшая такой несчастной, умученной тяжелой жизнью старушкой, смотревшая на него глазами, полными скорби по судьбе своей нелегкой, чуть ли не скакнула, отодвигая Матвея в сторону, стоило ему перенести из тамбура все ее тяжеленные сумки, подхватила свою поклажу, как атлет-тяжеловес, и быстрой деловой рысью понеслась по перрону. Он аж обалдел от такой метаморфозы.

И заметил, что давешняя барышня попала в аналогичную ситуацию, только старушка, которой она помогала, была еще и с палкой, которой теперь шустренько перебирала по асфальту, удивительно быстро и целеустремленно двигаясь вперед.

Они с девушкой переглянулись и заговорщицки-понимающе улыбнулись друг другу. И неожиданно замерли на какие-то мгновения, не отрывая взгляда друг от друга.

«Вот тебя бы мне для счастья, для жизни!» – вдруг стрельнула в голове у Матвея четкая и ясная, совершенно неожиданная и никчемная мысль.

Девушка была не очень высокой, довольно стройной и с нестандартной фигурой – узенький торс, высокая полная грудь, тонкая талия, округлые, крутые бедра и длинные ноги – очень, очень женственно, что-то из арабских эталонов красоты. Но при этом совершенно русской внешности – светлая кожа, чуть вздернутый носик, миленькие неяркие веснушки на переносице, в меру пухлые губы и крупные, выразительные васильковые глаза. Обаятельная и симпатичная девочка. И очень привлекательная, просто глаз не отвести почему-то. Больше всего ей подходило определение: «теплая». Да еще эти ее забранные в небрежный хвост длинные волнистые русые волосы с легкой рыжинкой, которая сейчас ярко отблескивала в рассветных лучах солнца.

Он подивился, отметив, что одета девушка в длинную юбку, светлую майку и стильную кожаную курточку до талии. Совсем не дорожная одежда, что странно для столичной барышни; они, как правило, любят окружать себя комфортом, тем более когда путешествуют.

Но тут ее задел плечом выходивший из вагона пассажир, девушка отступила в сторону, и нить их взглядов оборвалась. Больше она на Матвея не посмотрела, словно очнулась – поправила дамскую сумочку, на длинном ремне, перекинутом через шею, подхватила и повесила на сгиб руки дорожную сумку и решительным шагом направилась к вокзалу.

Матвей смотрел ей вслед какое-то время, не забыв отметить легкую походку и классную попку, а поняв направление своих мыслей, тряхнул головой.

«Ты о чем, Батардин?! – возмутился он. – Какие девочки-симпяташки и попки?!» – и вздохнул безнадежно, как человек сгорбленный годами и неисчислимыми бедами, снова глянул ей вслед, но девушка уже исчезла за спинами спешащих пассажиров. «Ей, наверное, лет двадцать пять, – устало и как-то по-стариковски подумал Матвей, – на целую жизнь меньше, чем тебе».

Вздыхнул, отбрасывая мысли о незнакомке, закинул на плечо, чуть присев и крякнув от тяжести, рюкзак и двинулся к выходу.

Нужный автобус он нашел практически сразу, и ждать не пришлось. Доехав до Речного вокзала, Матвей взял билет на катер и поднялся на площадку, уйдя подальше от толпы людской, от разговоров и гомона. Встав там, он смотрел на другой берег и думал свои давно привычные тяжелые мысли.

И вдруг снова заметил эту девушку.

«Она что, тоже едет в Пустонь?» – удивился Батардин и тут же сообразил: а куда еще может через этот городишко добираться столичная барышня. Ясно же, не достопримечательности заштатной провинции изучать. Может, журналистка? Ну, статью там или репортаж про Старца писать наладилась? Ну, это она просчиталась – насколько было известно Матвею, никаких журналистов монахи и Никон не признавали и не пускали к себе, а Старец их безошибочно вычислял в толпе и просил покинуть площадь. Пока представители прессы не уйдут, никаких молитв и общения с народом не проводил. Можно себе представить, как шустро, решительно их выводили на пристань добровольцы.

«А может, у нее своя беда какая? – подумал Батардин, посматривая на девичью фигурку, стоявшую в очереди в кассу. – Не ради же развлечения аж из Москвы она ехала».

Странное дело: среди паломников было довольно много женщин в длинных юбках и платьях, но эта девушка выделялась среди них, как экзотическая бабочка среди капустниц. Тем, как очень ладно, идеально по фигуре сидела на ней одежда, сочетанием ее расцветки, необыкновенным кроем – непонятно чем. Матвею, как нормальному мужику, тонкости женских нарядов были недоступны. Но то, что она выделялась, – несомненно. На ее фоне даже несколько богато упакованных женщин, промелькнувших среди паломников, казались вульгарными, слишком отшлифованными, лощеными и пустыми.

Он снова тряхнул головой, разозлившись на себя окончательно. Ну что ему до этой девицы?! Что ему вообще до каких-то женщин, кто выделяется, кто как одет?! Господи, да ему не до нее, ни до чего вообще в этой жизни! Матвею нужен только ответ, за которым он сюда и приехал!

Ответ! Объяснение! И хоть немного успокоения...

Народ хлынул на катер дурной напористой толпой занимать места, матросы старались навести порядок, покрикивали на пассажиров, успокаивали и расталкивали, упорядочивая посадку. Матвей подождал, пока самые нетерпеливые и бойкие рассядутся, и, пройдя через всю палубу, сбросил тяжелый рюкзак и встал на носу катера.

Во-первых, насиделся уже за дорогу, а во-вторых, красота вокруг была невероятная, и хотелось смотреть на нее, хоть ненадолго отвлекаясь от мучительных, изводивших мыслей. Да и привык он быть впереди и чтобы полный обзор.

Заметив краем глаза цветную юбку девушки, Матвей понял, что неосознанно все это время посадки высматривал незнакомку. Усмехнулся про себя, скорее уж смиряясь с таким неожиданно навязчивым интересом к ней, и даже немного порадовался, что она устроилась недалеко от него.

Ну, настолько, насколько вообще был в состоянии чему-то радоваться.

Ладно. Отчалили и пошли вверх по реке.

Народ пошумел, устраиваясь поудобней, рассаживаясь, попомонил недолго и постепенно начал затихать – задремывая, засыпая, укачанный мерным ходом катера. Да и то: рань еще, а люди ехали из дальних мест, большинство так и вовсе ночь не спали. А кто и не первые сутки добирается, вот, как эта девушка, например. Из Москвы-то, небось, больше суток уже в дороге, если самолетом, а если поездом, то все... Не-е, усмехнулся Батардин своим мыслям, она поездом несколько суток не поедет, да еще в такой юбке и курточке стильной.

Он прислушался к разговору за спиной. Какая-то женщина подробно рассказывала о своей жизни и болезни страшной, и Матвей даже немного посочувствовал девчужке – зачем ей все это, молодая же, своих горестей в жизни еще нахлебается, а ей о смерти безысходной.

Разговор затих. А через какое-то время женщина встала и ушла. И тут к девушке обратился мужчина, который сидел с ними рядом, и Матвей снова невольно прислушался к их беседе.

В какой-то момент их разговора Батардин перестал видеть и замечать все красоты вокруг, словно заволокло все чернотой перед глазами, и только сжимал непроизвольно челюсти, и желваки ходили на его скулах...

Тем временем катер добрался до конечного пункта и уже причаливал к пирсу.

Матвей в который уже раз потрянул головой, скидывая навалившуюся боль, развернулся, постоял, пережидая пока схлынет основная масса людей, закинул рюкзак на плечи и двинулся к выходу.

* * *

Монастырь Майку поразил!

Высокие белые стены, метров восемь, наверное, из мощных камней и две сторожевые круглые башни, возвышавшиеся над ними еще на метра два-три – одна поднималась над поворотом реки, а вторая, расположившаяся на другой стороне монастыря, смотрела через поле в лес. И территория, ограждаемая стенами, была довольно приличной. Не огромной, скорее компактной, но и не совсем маленькой. Выше забора виднелись купола небольшой церквушки и крыши каких-то монастырских строений.

Только разглядывая его, Мая поняла, что монастырь-то, скорее всего, очень старый, раз имеет сторожевые и оборонительные башенки, ну точно не сто ему лет и не двести, а побольше будет, и ужасно пожалела, что не изучила его историю и ничего толком не разузнала.

Дальше, за монастырем, через полосу поля, где-то с полкилометра или побольше, вставал зеленой стеной лес, а с кручи над рекой открывался совершенно потрясающий вид на реку и другой берег.

Красота и умиротворение! И уединенность. И дли-и-иный, тягучий колокольный звон, вызывавший странное возвышенное чувство.

Наверняка именно поэтому монастырь здесь и построили: вдали от людей, в тишине, располагающей к неспешному созерцанию природы и возможности

слышать эту природу и себя в ней. Слышать и по-настоящему чувствовать.

И даже человеческая суета приехавших паломников не забивала особой величавости этого места, его красоты, тишины и таинственности.

А еще Майю поразила продуманность, с которой было тут все обустроено для приехавших людей. Как только она поднялась по ступенькам от пристани, то увидела справа небольшую симпатичную церквушку, явно современной постройки, на пять куполов – большой центральный и четыре маленьких по углам вокруг него, расположившуюся недалеко от массивных ворот монастыря.

Слева от лестницы и площадки перед ней, параллельно монастырской стене, был выстроен длинный деревянный барак, сбоку пристроился ряд умывальников над раковиной в виде длинного корыта, чуть подальше – еще одно деревянное строение, в котором сразу опознавался туалет. Метров в двадцати от барака, тоже параллельно ему, под навесом на столбах тянулся длинный-длинный стол с лавками с обеих сторон, а в его ближнем торце, под более крупным и широким навесом, расположилась летняя кухня с печью и стоявшим рядом с ней котлом настоящей полевой военной кухни. Сбоку был устроен большой дровник, до крыши наполненный рублеными дровами, а с другой стороны шкафы для посуды и кухонной утвари. На кухне уже хлопотали несколько монахов и пожилые женщины в длинных одеяниях и платках на голове.

Там же, под кухонным навесом, особняком стоял длинный стол, заставленный всякими продуктами. Майя с удивлением заметила, что многие из паломников подходят именно туда и выставляют на нем из своих сумок и баулов разные яства.

– Это для чего? – спросила она Валентина Семеновича, взявшего на себя роль ее провожатого и гида.

– Видите ли, Майечка, монахи и их добровольные помощники готовят для приезжающих людей еду три раза в день совершенно бесплатно: завтрак после заутренней службы, потом обед и ужин. Здесь принято привозить продукты, кто что может, и складывать их на этом столе в виде даров.

– Ой, а я не знала, – расстроилась Майка. – Меня никто не предупредил.

– Ничего страшного, – заверил ее спутник. – Там, вон видите, стоит большая железная банка, и все, кто хочет, могут положить в нее пожертвования. Любую сумму, хоть десять рублей. А вообще это все совершенно не обязательно и исключительно добровольно и от души должно идти, с добрыми намерениями и пожеланиями. Монахи никогда ничего не просят и не ждут от людей. Как ни странно, они готовы кормить всех только из своих запасов, а также предоставлять возможность переночевать, остановиться на несколько дней и некую медицинскую помощь, если таковая потребуется.

– Почему? – спросила Майя. – Мы же нарушаем их покой и уединенность.

– Они воспринимают это как некое испытание их веры и проверку решимости к отрешенности от мира, – подвел ее к столу для даров Валентин Семенович. – Как необходимость видеть соблазны, понимать, осознавать их и бороться с искушениями в себе.

Он принялся доставать из своего рюкзака и выкладывать на стол продукты, Майя с интересом наблюдала, как появляется большой пакет муки, растительное масло, несколько пачек каких-то круп, сахар-соль, хозяйственное мыло, еще какие-то мелочи. Она торопливо полезла в сумочку, достала кошелек, выдернула из него несколько разных купюр и сунула в большую железную банку из-под повидла с прорезью в верхней крышке.

И, испытав некое приятное ощущение внутреннего успокоения от того, что смогла поучаствовать в благом деле, повернулась к попутчику и чуть не столкнулась с незнакомцем из поезда. Он усмехнулся, кивнул, вроде как поздоровался или отметил, что помнит ее, поднял и поставил на стоявший рядом со столом табурет свой тяжелый рюкзак, развязал верхний клапан и принялся выставлять на стол продукты.

Ну, вот Майя и узнала, что он там таскал в своем рюкзаке. Девушка с любопытством наблюдала, как мужчина достает пачки гречки, риса, гороха, фасоли, три пачки овсяного «геркулеса», литровую банку топленого сливочного масла и двухлитровый пластиковый бутыль растительного, большой пакет сушеных грибов, репчатый лук, килограмма три, столько же морковки и зеленых яблок, несколько упаковок разного сухого печенья и еще большущий пакет уже нарезанной свежей капусты.

«Ничего себе он упаковался!» – поразились Майка.

Незнакомец тем временем неторопливо завязал рюкзак и, закинув его на плечо, направился к церкви.

– Вот такие щедрые дары люди привозят, – улыбнулся спутник Майи и позвал: – Идемте, Майечка, сейчас уже служба начнется. – И напомнил, указав рукой на ее голову: – Только волосы вам надо прикрыть.

– Да-да, – спохватилась девушка.

Торопливо поставила на освободившийся табурет свою сумку, достала из нее длинный шелковый шарф такой же расцветки, как и ее юбка и, накинув на голову, закрутила концы вокруг хвоста волос, надежно закрепив.

– Я готова, идемте, Валентин Семенович, – улыбнулась она спутнику.

В церковь они с Валентином Семеновичем не попали, понятное дело. Туда набились только самые шустрые из числа тех, кто приезжает в Пустонь уже не первый раз и все порядки здесь знает, как, например, то, что надо с катера напрямик бежать в храм, занимать места, да местные, которые приехали своим ходом еще до катера.

Как объяснил ее добровольный гид, указав Майе на ряд лодок и небольших катерков на берегу, жители близлежащих деревень приезжают сюда на службу целыми семьями и составляют церковный приход. Это не очень большой приход, но по важным религиозным праздникам собирается много людей, зимой добираются как по зимникам, так и по реке на санях. У причалов сооружены конюшни для их лошадей. Вот как все тут интересно.

А Майя нисколько не пожалела, что осталась снаружи. Удивительной силы, мощи и красоты голос священника разливался над берегом и рекой далеко окрест, передаваемый добротной акустической аппаратурой, и величественная, суровая и первозданная природа вокруг казалась самым роскошным храмом, какой только может существовать.

Гармония природной истинной красоты и этого великолепного голоса вызвала духовный восторг и ощущение приобщения к чему-то высокому, которое Майя не испытывала раньше, – словно звенело внутри что-то чистое-чистое, как хрустальный источник всей жизни, и непроизвольно наворачивались слезы от этой чистоты...

Погрузившись в свои духовные переживания и этот удивительный внутренний звон, она даже и не заметила, как прошла долгая служба.

И очнулась, как от наваждения, когда наступила тишина; люди, стоявшие вокруг, вдруг загомонили, и легкий ветерок скользнул по ее щеке. Только тогда Майя обнаружила, что щека у нее мокрая от слез.

– Вы плакали, – улыбнулся ей Валентин Семенович.

– Я не почувствовала, – растерянно посмотрела она на мокрые кончики пальцев, которыми смахнула слезы.

– Да уж. Батюшка Иннокентий умеет своим голосом аж до сердца достать, – заметил, по-доброму улыбаясь, мужчина.

– А батюшка Иннокентий... – уточнила Мая.

– Настоятель этого храма. Это он службу вел, – пояснил Валентин Семенович.

– А о чем все... – она показала жестом на людей вокруг.

– А... – понял он и объяснил: – Ждут выхода Старца Никона. – И добавил: – А вот и он.

На высокое крыльцо перед дверьми церкви вышел крупный дородный мужчина в рясе с большим крестом на длинной цепи и сделал шаг в сторону, Майя так поняла, что это и есть отец Иннокентий, за ним вышли еще двое мужчин в церковных одеждах, за ними три монаха, все встали по бокам от входа.

Последним показался, прошел вперед и остановился у самых ступенек старик в перепоясанной тонким ремешком холщевой, но не монашеской рясе, поверх которой спускался совсем простой крест без всяких украшений и камней. У него

были совершенно седые ухоженные длинные волосы и борода до груди, он опирался на посох на вид из самого обычного сучка дерева.

Создавалось странное, удивительное ощущение, что Старец стоит в полном уединении и недоступности, словно возвышаясь над всеми – над людьми, столпившимися внизу, над сопровождавшими его священниками, над суетностью житейской...

И вдруг над всем берегом повисла абсолютная тишина, нарушаемая только плеском речной волны и далеким криком какой-то птицы. Даже работавшие на кухне люди замерли и замолчали, и Майе показалось, что время остановилось...

Она стояла не очень далеко от ступенек, Валентин Семенович целенаправленно протиснулся поближе перед началом службы, таща за собой девушку и не обращая внимания на недовольное ворчание столпившихся людей. И сейчас со своего места Майя отчетливо видела лицо Старца Никона и его удивительной силы взгляд.

Он внимательно и неторопливо оглядел собравшихся внизу людей, и звенящая тишина, так и не нарушаемая ничем, не угнетала, а будто бы даже успокаивала, обещая, что все будет теперь непременно хорошо, все сложится как надо и выправится обязательно.

Вот взгляд Старца переместился с дальних рядов вперед и, наконец, задержался на Майе. Она почувствовала теплоту этого взгляда, проникающую через ее глаза прямо внутрь, к сердцу, и улыбнулась умиротворенно, ей показалось на какой-то краткий момент, что Старец улыбнулся ей в ответ. Именно ей! И совсем мимоходом...

И перевел взгляд дальше. Это длилось всего какую-то пару мгновений, но Майя почувствовала невероятную светлую радость, опустила голову, прикрыла глаза и приложила ладонь к груди, стараясь как можно дольше удержать в себе эту таинственную теплоту.

Послышался странный звук, словно толпа вокруг одновременно, как по команде, выдохнула, и Майя уловила шум, доносившийся с кухни-столовой, и вопросительный шепоток вокруг. А Валентин Семенович наклонился к ней и прошептал на ухо:

– Старец посылает монахов за теми людьми, которых выбрал для личной беседы.

Майя подняла голову и увидела три фигуры в темных рясах и что у них там на головах? Клобуки, ах нет, вспомнила Майка, скуфья, так эти шапочки повседневные называются, где-то она недавно прочитала. Монахи спустились по лестнице и направились в разные стороны сквозь людей, которые почтительно расступались перед ними. Потом они отвели выбранных людей на небольшую площадку слева у подножия лестницы, поднялись к старцу, он снова назвал и указал кого-то, и монахи опять направились в толпу.

Один из них шел в сторону Майи и ее спутника, и люди почтительно расступались перед ним. Девушка тоже собралась было отступить в сторону, пропуская, но молодой инок вдруг остановился, посмотрел на нее и тихим приятным голосом сообщил:

– Старец Никон приглашает вас на личную беседу.

– Меня?! – поразились до глубины души Майка, даже как-то опешив.

– Вас, – не улыбнулся и не проявил иных эмоций парень.

– Идите-идите, Майечка, – подтолкнул ее торопливо Валентин Семенович. – Это такая редкая уникальная возможность. Удача необычайная.

– Да-да, конечно, – закивала она как болванчик и поспешила за монахом.

Они прошли к площадке, там, где уже стояли выбранные Старцем люди, и Майя с удивлением увидела, как к ним подходит еще один монах, сопровождающий того самого мужчину из поезда, так ее заинтересовавшего.

Нет, ну надо же! Бывает же такое!

Он тоже с большой долей удивления посмотрел на девушку, и они сдержанно раскланялись, как вроде бы знакомые. Минут через пятнадцать, когда выбранных людей на небольшом пятачке собралось десять человек, монахи снова поднялись на порог перед церковью и заняли свои места позади Старца.

А он заговорил... И был этот голос удивительным, необычайным!

Он говорил негромко, но слышно его было абсолютно ясно и четко без всякой аппаратуры. Каждое слово, казалось, проникало в мозг, в некую точку в нем, которая отзывалась резонансом во всем теле, посылая волны мурашек по коже и завораживая своей силой и мощью.

Он говорил о современных вызовах чистоте души человеческой, о первичной и важнейшей необходимости уметь противостоять разрушению и уничтожению своей души и ее связи с Отцом, когда человека соблазняют вседозволенностью агрессивного потребительства. Когда все и вся вокруг кричат и навязывают всяческие пороки, вознося их в ранг особых достижений и достоинств...

Он говорил недолго и скорбно. Потом замолчал на минуту, прикрыл глаза, постоял так, словно прислушиваясь к себе и, снова посмотрев на людей, предложил прочитать вместе молитвы.

Майка стояла, замороженная голосом Старца, мощным воздействием тех слов, что он произносил, практически ничего не замечая вокруг. Но тут кто-то сунул ей в руки молитвослов, открытый уже на нужном месте, она повернулась и увидела, что это незнакомая женщина очень болезненного вида. Женщина кивнула приветливо, подвинулась ближе к Майе, и они вместе с остальными стали повторять молитву.

Потом еще одну и еще одну.

Затем старец поблагодарил всех за совместную молитву. Снова обвел людей взглядом, обратился к кому-то из толпы, сказав всего несколько слов наставлений, и перекрестил всех широким благословением.

Люди двинулись к крыльцу поближе, но благословлять каждого в отдельности спустился отец Иннокентий, а Старец, медленно пройдя по ступенькам, подошел к группе тех, кого вывели монахи.

Майя с самого начала службы не замечавшая практически ничего вокруг, только сейчас заметила, что у них за спинами находится небольшая открытая беседка, в которой стоит несколько простых стульев и маленький круглый столик, куда и направился Старец, указав жестом той самой женщине, что поделилась с Майей

молитвословом, следовать за собой.

Один из монахов прошел вместе с Никоном в беседку, подождал, пока Старец устроится на стуле, поставил перед ним на стол большую глиняную кружку с каким-то напитком, низко поклонился и ушел.

Никон указал женщине на стул рядом с собой, сделал несколько глотков из кружки, пока она усаживалась, отставил кружку и, чуть наклонившись к женщине, заговорил с ней. Разговор был совсем тихий, впрочем никто и не пытался его услышать.

Никто из оставшихся ждать беседы с Никоном девяти человек, не пытался переговариваться, каждый сфокусировался на себе и своих проблемах, что-то обдумывая, видимо, что и как скажет Старцу. Одна Майя все озиралась недоуменно вокруг, не понимая, как она оказалась в числе избранных из стольких по-настоящему нуждающихся и страждущих людей и как придется извиняться и оправдываться перед святым человеком за свою ерундовую проблему и объяснять ему, что он ошибся, выбрав ее.

Она ужасно от этого маялась и снова чувствовала себя кругом виноватой. Разыскала взглядом и посмотрела осторожно, стараясь не выказать своего интереса, на мужчину из поезда. Он снова стоял особняком ото всех, задумавшись и весь уйдя в свои явно непростые мысли.

Можно было и не конспирироваться, поняла Майка и теперь уж спокойно разглядывала его спину.

А еще она обратила внимание, что вокруг них, то есть выбранных Никоном для разговора, словно образовалась полоса отчуждения – никто не подходил поговорить, никто не обращался с вопросами, только проходившие мимо люди и те, кто столпился на раздаче еды у кухни, бросали на них любопытные, а порой и откровенно завистливые взгляды.

Одна дамочка, из числа богато упакованных, салонно-дорогих, что затесались в общей толпе, решила, видимо, добиться аудиенции у Старца любым способом и весьма целеустремленно направилась к беседке. Но, откуда ни возмись, словно из-под земли, выросли два монаха и преградили ей дорогу, тихо, но твердо что-то объясняя.

Майка аж головой покрутила от удивления – ну надо же! Где они, интересно, прятались, эти иноки охраняющие, она их вообще не видела, а поди ж ты – блюдут покой святого человека.

В общем, Майя крутила по сторонам головой, с интересом наблюдая за всем, отмечая, как тут все устроено и что делают люди вокруг, и явно вела себя совершенно не так, как остальные выбранные счастливики, ожидавшие разговора с Никоном.

В животе у нее все ошутимее урчало от голода, и она подумала, что с удовольствием съела бы чего-нибудь горячего, например, гречневой каши.

В таких вот отвлеченных мыслях о мирском и телесном она и прослонялась по площадке и вокруг беседки, с любопытством подмечая всякие мелочи тамошнего устройства жизни, пока Старец проводил беседы с остальными. Когда он заканчивал беседу с человеком, опять чудесным образом тихо, словно ниоткуда, материализовался монах и приглашал в беседку следующего, на кого указывал Никон. И в результате остались только Майя и тот самый мужчина из поезда.

Монах пропустив, выходящего из беседки мужчину, зашел внутрь, выслушал распоряжение Старца и, вернувшись на площадку, обратился к Майе и мужчине:

– Старец приглашает вас двоих на разговор.

– Вместе? – переспросил удивленно незнакомец.

– Вместе, – подтвердил монах и отошел в сторону.

Мужчина пожал плечами и, галантно пропустив вперед Майю, зашел следом за ней в беседку.

– Здравствуйте, – пролепетала Майка, встав перед Старцем.

– Здравствуй, девица, – улыбнулся ей очень доброй улыбкой отец Никон и указал рукой на стул, напротив себя: – Присаживайся. – И спросил: – Как звать-то тебя?

- Майя, - пропищала от волнения перехватившим горлом она.

- Хорошее имя, ладное к тебе, - улыбался ей удивительно добро Старец, повернул голову к мужчине, указал на стул рядом с Майей и распорядился: - И ты присаживайся. - И спросил его в свою очередь: - А тебя как величать, молодец?

- Матвей, - ответил тот.

- Правильно нарекли родители, по характеру и судьбе имя сильное дали, - кивнул довольно Старец.

Майя с Матвеем разместились на стульях, Старец Никон помолчал, какое-то время внимательно рассматривая их, потом вдруг произнес своим потрясающим голосом:

- Было мне видение давеча, - и улыбнулся снова. - Богородица пришла и указала на вас двоих. Давно уж ни на кого не указывала, только в прошлом году на одного скорбного. А тут вас выбрала.

Майка забыла дышать, замороженная этим текущим, словно сильный родниковый источник, голосом и тем, что он говорил, как произносил каждое слово, как драгоценность - весомо, значимо.

- Да, - повторил Старец и посмотрел куда-то поверх их голов. - Выбрала, чтобы допустить до иконы своей. Наставить на путь истинный. - Он снова посмотрел на них по очереди. - Вам двоим к Иконе Святой надо, сама Матушка и призвала. Да только так просто вам к ней нельзя, осерчает.

- А как можно? Что надо сделать? - спросил мужчина с почтением.

- Надо вам пожениться, - строго произнес Старец.

- Эт-то как? - оторопела от столь сильного заявления Майка.

- Просто, - улыбнулся ей Старец.

И посмотрел прямо в глаза. Прямо в глаза!!

И Майка поплыла-а-а... Она такое в них увидела, почувствовала!

Это были глаза не простого человека, это... это... Вся скорбь и мудрость человечества, все знания явные и скрытые за печатями и запретами таились в глубине его глаз, все прошлое и все будущее, все потери и боль земная, все юдоли и спасения. И вся Бесконечная Любовь!

Он смотрел ей в глаза какие-то мгновения, а ей показалось, что целую жизнь. Старец улыбнулся мудрой, все знавшей и понимавшей улыбкой, и Майке подумалось, что ее жизнь вот прямо сейчас изменилась неотвратимо и навсегда. Совсем изменилась, и она теперь, пусть чуть-чуть, но все же прикоснулась к какому-то чистому и мощному источнику знаний, любви... и это остается теперь с ней навсегда.

- Сейчас вы вернетесь в город на катере, он как раз должен подойти, - перевел Никон взгляд на Матвея, и Майка словно очнулась, выйдя из-под уютного теплого гипноза, - пойдете в ЗАГС, подадите заявление и скажете, что это Старец Никон вас направил. Они помогут. Завтра утром вас зарегистрируют, оформят все документы, и ты, - он строго посмотрел на Майю, - возьми его фамилию, это обязательно. Вторым рейсом катера, сразу после регистрации, приедете сюда.

У Майки громко и отчетливо заурчало в животе от голода и от перепугу от этой строгости, с которой Старец повелел ей взять чужую, неизвестную фамилию.

- Голодала сегодня, девица? - улыбнулся Старец совсем по-другому, как дедушка любящий.

- Да, - кивнула Майя.

- Хмельного положенный срок не пила, постилась? - выпрашивал Никон.

- Да.

- А ты? - повернулся он к Матвею.

– Как положено: не пил, постился, с вечера без еды, – доложил мужчина.

– Хорошо. Сегодня можно поесть, но скромное, постное, а с вечера снова строгий пост без еды. К Богородице пойдем в чистоте. А после и поговорим, – и отпустил их, напутствовав: – Идите, дети мои, исполняйте, что надобно, Господь, Бог наш с вами.

И перекрестил их по очереди.

Майка не помнила, как вышла из беседки и оказалась возле столовой, вся словно в тумане находясь под впечатлением от Старца, продолжая видеть перед собой пронзительные карие глаза пророка. И опомнилась, вернулась в действительность, когда ее кто-то чуть дернул за локоть.

– А? Что? – посмотрела она на обращавшегося к ней мужчину с правильно данным родителями именем Матвей.

– Я спрашиваю, что вы выберете из еды? – повторил он вопрос, который Майя, по-видимому, первый раз пропустила мимо.

И только тут Майка сообразила, что они стоят у раздаточного столика кухни, а на нее смотрят вопросительно, ожидая ответа, пожилая женщина в платке, что исполняла обязанности раздатчицы, и тот самый Матвей.

– Я, кажется... – что-то промямлив, пыталась пояснить она.

– Да, – кивнул мужчина и не самым добрым тоном заметил: – Под сильным впечатлением, я понял. Но у нас мало времени, так что решайте скорей, что вы будете есть, катер отправляется через пятнадцать минут.

От его наставительного холодного тона Майка окончательно пришла в себя, взбодрилась даже, спросила у женщины, каков выбор, с удовольствием взяла тарелку гречневой каши с овощной подливой и салат из огурцов с всякой зеленью и растительным маслом.

Каша оказалась потрясающе вкусной, даже лучше, чем Майе мечталось, и огурцы с зеленушкой, которые выращивали на своих огородах монахи, тоже

были очень вкусные и душистые.

Майя и Матвей быстро ели, и девушка все посматривала краем глаза на этого сурового мужчину с редким именем, действительно ему очень подходившим, и чувствуя себя странно – какой-то бесшабашной, совсем молодой и отчего-то беспричинно радостной, как подросток необузданный.

Матвей от нее не отходил, молча забрал из руки ее дорожную сумку, на одно плечо закинул свой сильно полегчавший рюкзак, на другое ее сумку и, подхватив Майку под локоток, сопроводил девушку на борт катера.

Свободных мест имелось в избытке, паломники уезжали, как правило, вечерним последним рейсом, выстояв еще одну службу. Иногда к ним, говорят, еще раз днем выходит Старец Никон, правда редко. Но бывает. Кое-кто так и вовсе остается на все три дня и живет здесь в том самом бараке, кто-то только на ночь, так что пассажиров на кораблике каботажном было немного, и Майя с Матвеем вполне удобно расположились на лавке в кормовой части катера.

С этим Матвеем, холодно-отстраненным, всем своим видом предупреждавшим: «Не трогай меня!», они вообще не разговаривали – Майя и не трогала: да нужен ты, такая цаца, замороженная своими проблемами, сто лет! – просто сидели рядом молча, смотрели на проплывающий мимо берег, а потом она и не заметила как заснула, убаюканная мерным ходом катерка.

* * *

Матвей поразился суровой красоте монастыря, показавшегося из-за поворота реки, оценил его фортификационные качества, продуманность строений и устройства быта для паломников и то, с какой четкостью тут налажены службы, обеспечивающие это устройство.

Всю заутреню Матвей посматривал на головку в красивой шали в тон юбки той девушки-москвички, которая стояла вместе со спутником с катера немного впереди, и вся служба прошла как бы мимо сознания Батардина, хоть он и отметил про себя великолепный голос священника.

Когда Матвей увидел Старца Никона, он даже задохнулся от неожиданно нахлынувших эмоций, вдруг четко уловив мысль, что если кто и сможет растолковать мучившие его вопросы, то только этот человек. И отчего-то даже не удивился, когда к нему подошел монах и пригласил на личную беседу с Никоном.

Удивился он позже, когда увидел в числе выбранных и москвичку с поезда. Но Матвею уже было не до чего и не до кого. Поучаствовав в общей молитве лишь присутствием и перекрестив себя в конце, он отошел в сторону и сосредоточился на изматывающих мыслях, все думая, как четче сформулировать и высказать свои вопросы Никону.

А дальше началось нечто непонятное!

Он несколько прибалдел, когда их пригласили на разговор вместе с девицей, да и разговора как такового не состоялось, Старец предложил нечто совсем уж дикое, даже и не предложил, а как бы указание отдал – пожениться с этой барышней, мол, только тогда они смогут пройти к Святой Иконе, а уж после побеседовать и с ним самим.

А потом Старец Никон посмотрел ему в глаза, и Матвей почувствовал, всего на несколько мгновений, освобождение от своей бесконечной боли и какое-то чистое просветление в душе... Всего на несколько мгновений...

И тогда понял, что ему все равно, каким образом он получит возможность побеседовать с Никоном, – главное, он с ним поговорит! И все! А что необходимо для достижения этой цели выполнить – жениться, разводиться, прыгать через костер или скакалку или еще что – это не важно! Он сделает.

И вот на этом моменте рассуждений Батардин сообразил, что имеется вполне реальная возможность непреодолимого препятствия на пути к этой жизненно важной для него беседе – ну а вдруг как девица взбрыкнет и выходить за него замуж откажется? И что тогда? Искать другую? А Никон сказал, что только их двоих Икона выбрала и на иную кандидатуру в невесты сомнительно, что согласится.

И что из этого следует?

Правильно – не отпускать дамочку от себя ни на шаг и довести до ЗАГСа и официальной регистрации брака, чего бы это ему ни стоило.

В это же время предмет его непростых размышлений находилась в глубокой задумчивости после беседы с Никоном; девушка и не поняла, что спутник привел ее в столовую. Он хорошо понимал это состояние, сам был в некотором шоке. Просто умел гораздо лучше владеть собой и помнил, что требовалось спешить, посему и рассусоливать Батардин не стал, довольно грубо вернув девушку в реальность. Они быстро поели и поднялись на катер.

Устроившись на пустой скамье у борта, оба молчали, глядя на пейзаж, проплывающий мимо, а потом девушку сморило, и она заснула, во сне доверчиво положив головку ему на плечо.

А Батардина неведомо почему и из каких уголков души, не затопленных окончательно болью и чувством вины, вдруг накрыло такой волной нежности к этой спящей девчужке, что даже защемило где-то в груди.

Осторожно, чтобы не разбудить ее, он подтянул к себе рюкзак, открыл, пошарив в нем рукой на ощупь, вытащил свой кардиган, расстегнул на нем пуговицы и накрыл спутницу – от реки ощутило тянуло стылой прохладой, не дай бог заболит. Обнял девушку одной рукой, переложил поудобней ее головку и так и просидел всю дорогу, пока Майя не подскочила, разбуженная катерным гудком, сообщавшим, что они подходят к пристани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/tatyana-alyushina/moya-nechayannaya-radost-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)